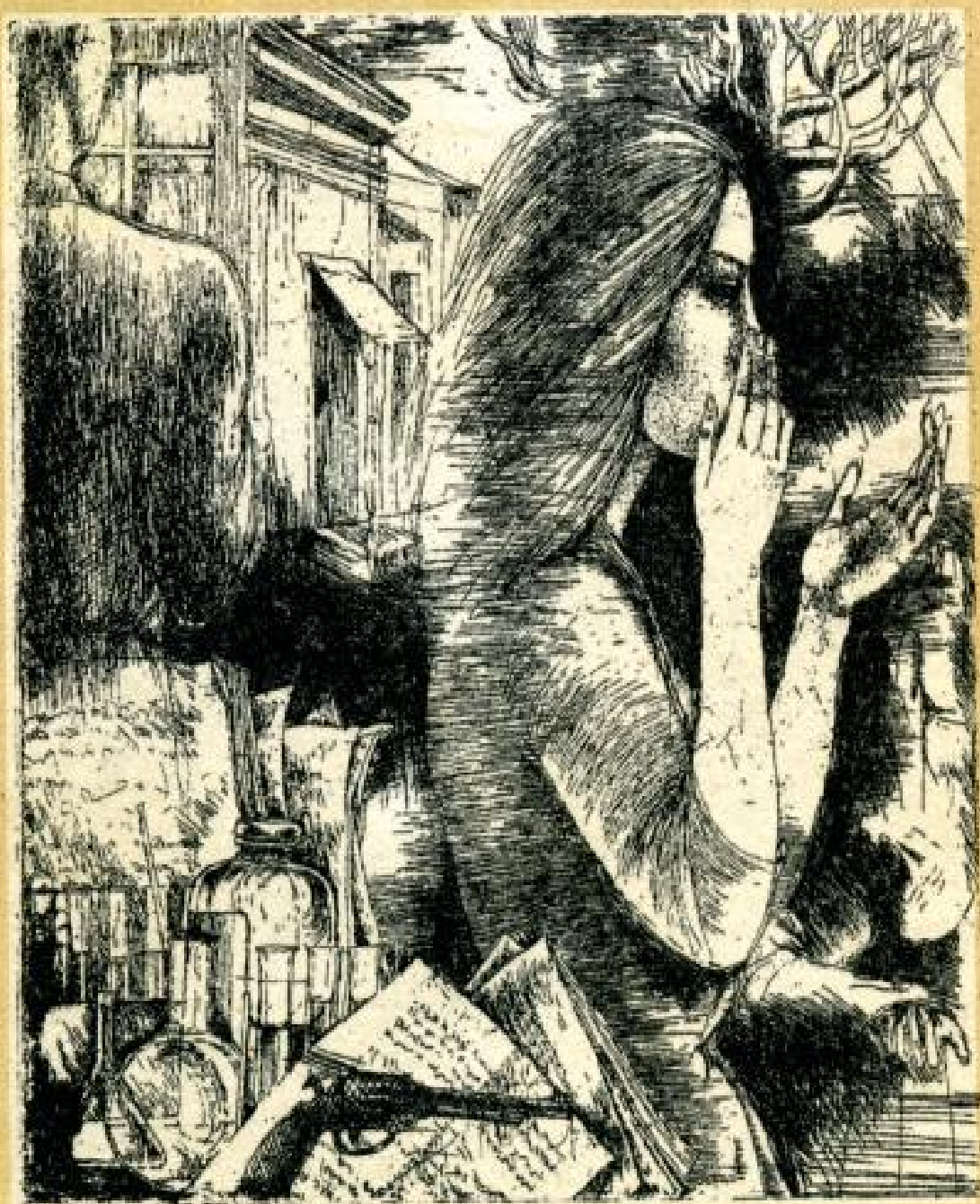

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ВЫСТРЕЛ НА ЛАХТИНСКОЙ

- Выстрел на Лахтинской

-

- ОТ АВТОРА

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- notes

- 1

- 2

- 3

Выстрел на Лахтинской

Автор повести — профессор, доктор медицинских наук. Читателю он известен по книгам «Алый парус жизни», «Неутомимые искатели». В жанре приключенческого рассказа выступает впервые. Произошло несчастье — у себя в доме убит профессор, преподаватель медицинского института. Что это — убийство, самоубийство? По мере того, как автор ведет «расследование» этого случая, читатели смогут найти ответ на этот вопрос.

Всякое новое изобретение раскрывает и подтверждает предвидение какого-либо человека; во все времена действию предшествовала мысль.

Стефан Цвейг

ОТ АВТОРА

В повести рассказывается о действительных событиях имевших место в Ташкенте около 60 лет назад. Фамилии главных действующих лиц изменены. Некоторые события смещены во времени. Прообразом центрального персонажа повести профессора Панкратьева был заведующий одной из кафедр медицинского факультета САГУ о загадочной смерти которого много писали в то время

Он один из первых начал работать в области реанимации. Реанимация — значит оживление. Профессор утверждал, что возможно оживление тканей, в которых сохранилась скрытая жизнь, и доказал это в опытах на нервах лягушки. По его мнению, в дальнейшем будет возможно и оживление головного мозга, клетки которого первыми погибают в результате прекращения снабжения кислородом.

Другим направлением его исследований было прижизненное промывание крови при интоксикациях организма.

Хотя эти исследования представляют сейчас интерес лишь исторический, и профессор, к сожалению, во многом ошибался, однако его мысль о прижизненном промывании крови, или, как теперь говорят, гемодиализе, вернулась в медицину в новом качестве. Созданная в 60-х годах искусственная почка есть ничто иное, как аппарат для прижизненного промывания крови, удаления из нее всевозможных шлаков и вредных веществ.

Реанимация за эти годы выросла в важную отрасль медицины, отделения реанимации имеются теперь во всех крупных больницах.

Познакомившись с научными документами и материалами судебного дела, касающимися загадочной смерти профессора, я и решил написать повесть, которую предлагаю вниманию читателя. Хотя повесть и основана на документальных материалах, она не является простым отражением фактов и событий. Автор использовал свое право на художественный домысел и обобщение.

5 августа 1927 года народный следователь Георгий Викторович Сазонов как всегда ровно в 9 часов утра открыл своим ключом небольшой кабинет во втором участке милиции города Ташкента. Это был высокий полный человек лет сорока с длинными казацкими усами и наголо обритой головой. Из-за давней болезни сердца он страдал одышкой и сейчас, поднявшись на второй этаж по крутой лестнице, тяжело дышал.

Врачи запретили ему курить, но Сазонов считал свою работу нервной и требующей напряженной работы мысли, а курение успокаивало его и помогало сосредоточиться. Свернув козью ножку, он глубоко затянулся, затем отворил окно — несмотря на ранний час было уже довольно жарко — и вынул из сейфа дело о квартирной краже.

Дело было несложное: вор сознался, краденые вещи обнаружили. Материалы можно было передавать в суд. Не успел Сазонов углубиться в обвинительное заключение, как его вызвали к телефону.

Плотно приложив трубку к уху, он услышал глуховатый голос дежурного по городскому управлению милиции.

— У себя на квартире по улице Лахтинской застрелился профессор медфака Панкратьев. Начальник уголовного розыска просил вас выехать на место происшествия.

— Судебный эксперт предупрежден? — спросил Сазонов.

— Эксперта вызвали. С минуты на минуту подойдет и фотограф.

Доложив начальству, что уезжает, Сазонов грузно опустился в милицейскую двуколку и попросил поднять тент, так как уже сильно припекало. Минут через пятнадцать он подъезжал к Лахтинской. Эта тихая улица с двумя рядами одноэтажных домов находилась недалеко от театра оперетты. Вдоль улицы были высажены тополя, а кое-где и фруктовые деревья. Многие домики были окружены садами.

У дома 19, ничем не отличавшегося от остальных, молодой милиционер сдерживал любопытных. Здесь были домохозяйки с корзинами, они, видимо, возвращались с базара, какой-то старик в пижаме и галошах на босу ногу, две старушки, одетые несмотря на

жару в темные шерстяные платья, несколько любопытных школьников с потертыми ранцами за плечами.

На крыльце небольшого особняка Сазонова встретил агент ^[1]уголовного розыска — высокий представительный мужчина в ладно сидевшей на нем милицейской форме. Рядом стоял судебный врач Будрайтис в светлом, хорошо выутюженном костюме с аккуратно повязанным галстуком и в начищенных до блеска ботинках.

Будрайтиса хорошо знали в уголовном розыске: он был весьма квалифицированным судебным экспертом, его заключения всегда были тщательно обоснованы. Сазонов не раз сталкивался по службе с этим милым и приятным человеком и обрадовался, что и теперь будет работать с ним.

Агент доложил, что в половине девятого утра в милицию позвонил гражданин, назвавшийся Турбиным, и сообщил, что его зять профессор Панкратьев покончил с собой.

Сазонов прошел в небольшую переднюю. Первое, что ему бросилось в глаза, был револьвер, лежавший рядом с коробкой папирос на полированном столике. На вбитой в стену деревянной вешалке висел темный мужской пиджак. Открыв дверь в спальню, следователь быстро окинул взглядом комнату и увидел на полу у никелированной кровати труп пожилого мужчины. Матрац, на котором находилось тело, был покрыт белой простыней, обильно залитой кровью. Покойный лежал лицом вниз, подогнув под себя правую руку, левая была согнута в локте. На рубашке темнели пятна запекшейся крови.

Сазонову пришлось призвать на помощь всю свою выдержку — зрелище было малоприятное. Говорят, что со временем можно привыкнуть к смерти, но теперь, после семи лет работы в милиции, Сазонов хорошо знал: это к нему не относится. Сам он был из крестьян Тульской губернии, во время войны переехал в Ташкент и устроился в железнодорожные мастерские.

Работал он добросовестно, старательно и вскоре стал бригадиром. Во время Осиповского мятежа принял активное участие в его подавлении. В 1921 году Сазонова пригласили в партийный комитет мастерских и предложили перейти на работу в милицию, где нужны были сотрудники. Он согласился. После окончания курсов следователя Сазонова направили работать во второй участок милиции вначале стажером, а затем и самостоятельно.

Он был человеком спокойным, дотошным, как говорят, «звезд с неба не хватал», перед начальством не заискивал, и в то время, как некоторые его товарищи по учебе уже выдвинулись на руководящую работу, а кое-кто даже переехал в столицу, Сазонов все еще продолжал служить в той же должности, с которой начал.

Сотрудники управления милиции считали, что ему не хватает «гибкости ума», однако каждое дело он расследовал тщательно, старался разобраться в мотиве преступления, хотя это и не всегда ему удавалось: его версии обычно оказывались очень уж прямолинейными. Правда, чаще всего Сазонову приходилось расследовать мелкие кражи, драки на почве семейных ссор, хулиганство, иногда заканчивающееся поножовщиной.

И вот теперь он подумал о том, что дело, предстоит канительное, хлопотливее, придется долго разбираться в причинах самоубийства, ведь застрелился известный профессор университета, а чего ему стреляться, если, судя по всему, жил он совсем неплохо, да и к тому же недавно женился на молодой женщине.

...Одно из окон в сад было открыто. Из окна были видны фруктовые деревья, кусты винограда, усыпанные спелыми крупными гроздьями, небольшой цветник из белых и желтых хризантем. Поближе к забору росли красивые белые каллы. Легкий ветерок надувал ситцевую занавеску. Со двора доносился собачий лай.

— Здесь никто ничего не передвигал, приезжал только врач скорой помощи, но он констатировал смерть профессора и, по его словам, ничего не трогал. Я созвонился с ним, фамилия врача, — агент сверился со своей записной книжкой, — Пастухов. Вдова Панкратьева утверждает, что муж покончил с собой на почве семейных неурядиц. Предварительный осмотр места происшествия показал, что замок входной двери имеет царапины.

— Причина их установлена?

— Пока нет, просто не было времени.

Осторожно обойдя тело, Сазонов подошел к открытому окну, посмотрел в сад, постоял немного в задумчивости, затем вышел в переднюю и взял со стола револьвер^[2]. Это был старенький шестизарядный «Смит и Вессон». Пятен крови на нем не было. Сазонов, завернув револьвер в газету, спрятал его в портфель и затем перешел в кабинет профессора.

Стены просторного кабинета были оклеены светло-зелеными обоями. На стеллажах ровными рядами стоял книги не только на

русском, но и на французском и немецком языках, было много аккуратно переплетенных немецких журналов. Письменный стол орехового дерева был завален бумагами. Рядом стояло вертящееся кожаное кресло.

Слева на маленьком столике находилась пишущая машинка «Ремингтон», в которую был заправлен чистый лист бумаги. Казалось, что хозяин кабинета вышел на несколько минут и сейчас вернется к прерванной работе.

Почти всю столовую комнату занимал большой обеденный стол, покрытый вышитой скатертью. Вокруг него стояли стулья с кожаными сиденьями и высокими спинками. В углу находилось два мягких кресла с протертыми бархатными подлокотниками. Следователь взглянул на большие напольные часы, за стеклом которых ритмично качался длинный медный маятник. Стрелки показывали половину десятого.

«Однако быстро течет время», — подумал он.

— Жена профессора здесь? — спросил Сазонов.

Агент угро вышел и через несколько минут вернулся с молодой привлекательной женщиной. Лицо ее было слегка покрыто веснушками, в углах небольшого рта с тонкими губами застыли скорбные складки. Длинное темное платье еще больше подчеркивало ее худобу.

Женщина села в кресло, и следователь увидел, что ее руки дрожат, да и вся она сама не своя.

— Вы не волнуйтесь, рассказывайте, — Сазонов достал из кармана небольшой блокнот и карандаш, приготовившись делать записи. — Как вас, кстати, зовут?

— Марина Андреевна или просто Марина. Сегодня утром, когда я возвращалась с базара и открывала наружную дверь, раздался выстрел.

— В котором часу это было?

— Часов в восемь утра. Муж лежал на кровати с простреленной головой, — и Марина заплакала.

Сазонов налил ей воды из стоящего на столе большого фарфорового чайника.

— Я подняла лежавший на полу револьвер и положила его на столик в прихожей, а раненого мужа переложила вместе с матрасом на пол. Не знаю даже, откуда у меня силы взялись.

— Зачем вы это сделали?

— Ну... думала, что он может упасть и совсем разобьется. Я очень растерялась и не могла ничего сообразить, но затем выбежала на улицу, попросила какого-то мужчину вызвать скорую помощь. Когда приехал врач, Николай Петрович был уже мертв.

— Значит, вы не видели, как он застрелился?

— Нет, я только слышала выстрел...

— Окно все время было открыто?

— Перед уходом на базар я подходила к окну. Оно было закрыто, это я точно помню.

— Профессор ничего не успел сказать перед смертью?

— Николай Петрович хотел что-то произнести, но не смог, язык его начал заплетаться. Затем он приподнялся на кровати и два раза меня перекрестил. На третий, видимо, сил не хватило.

— Почему на замке входной двери царапины?

— Не знаю. Помню только, что, услышав выстрел, не сразу смогла открыть дверь, пока возилась с замком, прошло некоторое время.

— Каких-либо записок, объясняющих причину самоубийства, профессор не оставил?

— Нет... не видела.

— Револьвер принадлежал вашему мужу?

— Да.

— Где он его хранил?

— Днем — в ящике стола или носил с собой, а на ночь прятал под подушку.

Прибыл старший уполномоченный уголовного розыска Маргонин — стройный худощавый мужчина лет двадцати восьми, с пронзительным взглядом синих глаз и резкими чертами привлекательного лица. Вслед за ним в дверях появился фотограф с большой сумкой через плечо. С шипением вспыхнул магний — с разных ракурсов были сделаны снимки покойного, а затем и всей комнаты. Пообещав, что отпечатает их к завтрашнему утру, фотограф сложил аппаратуру и ушел.

Судебный эксперт нагнулся над трупом и осторожно откинул простыню. Трупное окоченение еще не было выражено. «Значит, смерть наступила несколько часов назад», — подумал Будрайтис. На левом виске он увидел входное пулевое отверстие, а над правым — звездчатую рану с выступающими наружу краями.

Повернувшись к Сазонову, эксперт заявил:

— Либо профессор стрелялся левой рукой, либо его убили. Выходное отверстие пули на правом виске. Вероятно, выстрел сделан в упор — видите, Георгий Викторович, на левой стороне подбородка разбросаны серовато-желтоватые пятнышки размером не менее спичечной головки. И поверхностные саднения кожи также свидетельствуют о том, что револьвер был приставлен вплотную к виску. С аналогичными случаями приходилось уже встречаться. Но если это самоубийство, то на левой руке должен быть пороховой налет.

Будрайтис внимательно осмотрел левую руку профессора.

— Гм... никакого налета нет. Значит, убийство?!

— Ионас Иакович, взгляните на правую руку, — Маргонин наклонился над трупом, — на большом пальце правой руки какой-то налет. Может быть, это от пороховых газов?

— Да, это что-то необычное, — заключил эксперт.

Он вышел в переднюю, достал из своего саквояжа флакончик со спиртом, затем аккуратно срезал бритвой кусочек кожи с налетом и поместил ее во флакон.

— А где же пуля? — спросил Маргонин, прохаживаясь по комнате и поскрипывая хромовыми сапогами.

— Пуля должна быть где-то здесь, в комнате, — заметил Будрайтис, — рана ведь навывлет!

Сазонов аккуратно подстелил газету, опустился на колени и начал внимательно осматривать доски пола. Хлопнула входная дверь, в комнату вошел милиционер.

— Товарищ следователь, — обратился он к Сазонову, — понятия приглашены. Можно им войти?

В дверях стояли пожилой мужчина в белом фартуке с бляхой дворника и молодая женщина в светлом платье — соседка Панкратьева. Они испуганно смотрели на распростертое на полу тело профессора.

Сазонов искоса взглянул на вошедших и слегка кивнул, продолжая исследовать пол. Пули нигде не было.

— Куда же она запропастилась? — пробормотал он и тут же догадался: ведь она может быть в подушке!

Вытащив подушку из-под головы покойного и нащупав что-то твердое, Сазонов достал из кармана перочинный ножик, надрезал наволочку и извлек из подушки продолговатый кусочек свинца.

Будрайтис, буквально выхватив у него из рук пулю, стал вертеть ее в разные стороны, рассматривая нарезы через лупу.

— Вы бы пулю еще на зуб попробовали, — сказал Маргонин, — она явно от «Смит и Вессона». Дайте, пожалуйста, револьвер, — попросил он Сазонова, повернул барабан револьвера, и на ладонь выпали три боевых патрона, один с осечкой и стреляная гильза. — А теперь смотрите, — Маргонин приложил к гильзе пулю, которая довольно точно подошла по диаметру.

— Это еще не доказательство, — возразил Будрайтис, — гильза могла быть от ранее выстреленной пули, а эта от маузера или нагана.

— Ну уж нет, эти виды оружия я хорошо знаю — у нагана и маузера калибр почти одинаковый — 7,62 и 7,63 миллиметра, а здесь где-то больше десяти... Пуля выстрелена именно из этого «Смит и Вессона».

— Это все же следует доказать, необходима баллистическая экспертиза, — заявил Сазонов, внимательно прислушивавшийся к спору своих коллег. Затем он взял листок бумаги, сделал из него небольшой конвертик и вложил туда пулю и гильзу.

Тем временем Маргонин вынул замок от входной двери и внимательно осмотрел углубление в дверной раме, куда входил язычок замка. Следов отжима «фомкой» не было. Замок явно открывали отмычкой, о чем свидетельствовали царапины на наружной стороне замка. Но делали это осторожно — дверь не была повреждена.

Сазонов не зря числился специалистом по части обыска. Он начал его по часовой стрелке, неслышно двигаясь по квартире. Ничто не ускользало от его внимания, он перелистывал каждую книгу, тщательно обшаривал ящики шкафа. В одном из них следователь обнаружил два золотых Георгиевских креста — награды Панкратьева во время русско-японской войны. Но лишь в кабинете профессора его ждала по-настоящему интересная находка.

В ящиках письменного стола он увидел аккуратно сложенные папки. В них лежали напечатанные на машинке научные труды профессора, на отдельных листках были выписки из медицинских книг и журналов. В одном из ящиков он обнаружил записку.

Прыгающим почерком Панкратьева было написано: «Какая полоса невезения. За год ни одного положительного результата. Работаем, не считаясь со временем. Сколько животных загубили! Не пойму, в чем ошибаюсь. Необходимых приборов нет. Нет и нужных материалов для конструирования оригинальных аппаратов и достать их невозможно. Никто меня не понимает...»

«Если это самоубийство, то записка, может быть, частично и объясняет его причину», — подумал Сазонов.

В отличие от Сазонова, Маргонин был более нетерпелив. Он начал обыск прежде всего со шкафа. Там, как подсказывало ему чутье, могло находиться что-то важное для следствия. Из кармана профессорского пиджака он достал бумажник: удостоверение на право ношения револьвера «Смит и Вессон», удостоверение личности профессора, небольшая сумма денег, перочинный ножик с перламутровой ручкой, связка ключей...

В углу у шкафа стояла прислоненная к стене охотничья винтовка «Винчестер», в ящике стола оказалась коробка с патронами для нее.

Было уже около часа дня, когда Сазонов взялся, наконец, за протокол осмотра места происшествия.

— Я буду записывать, а вы диктуйте, — предложил Маргонин и разложил на столе листки белой бумаги.

В этот момент в комнату стремительно вошла Марина и поставила на стол перед Маргоными раскрытую шкатулку.

— Товарищи следователи! Отсюда исчезли бриллиантовые серьги и золотое кольцо. Их подарил мне муж! К свадьбе! Нет также его золотых часов...

— Когда вы обнаружили пропажу? — спросил Сазонов.

— Только что... После вашего осмотра.

— Китайская? — спросил Маргонин, рассматривая деревянную шкатулку, покрытую черным лаком и инкрустированную перламутром.

— Японская, — сказала Марина. — Из Владивостока.

Сазонов осторожно, боясь сломать хрупкую вещь, закрыл крышку

— Вчера все было на месте?

— Вчера меня весь день не было дома, а вечером я в ящик стола не заглядывала.

— Опишите пропавшие вещи, — попросил Маргонин.

— Золотое кольцо имело небольшой бирюзовый камешек, серьги золотые с бриллиантами в четверть карата, часы «Брегет» тоже золотые с двумя гравированными крышками и боем. Они достались мужу по наследству от отца, а тому — от деда.

Маргонин подошел к раскрытому окну и внимательно осмотрел подоконник. Но следов там не было. Ничего не обнаружили и в

саду — дожди не шли с мая, а следы на сухой почве почти не заметны.

Наконец подъехал милицейский фургон. Тело вместе с матрацем и подушкой погрузили на носилки и задвинули в машину. После того, как протокол осмотра подписали следователь, эксперт и понятые, квартира была опечатана.

«Начальнику следственного отдела Ташкентской гормилиции.

При этом направляю Вам протокол места обнаружения трупа профессора Панкратьева Н. П. и акт судебно-медицинского осмотра. Сообщаю, что револьвер «Смит и Вессон» и «Винчестер» находятся во втором участке милиции. Одновременно препровождаю Вам револьверную пулю, найденную в подушке, на которой спал профессор.

*Народный следователь 2-го участка милиции
Ташкентского округа*

Сазонов

6. VIII. 1927 г.»

Этот документ вместе с актом судебно-медицинского осмотра лег на стол начальника уголовного розыска утром 7 августа 1927 года, а после обеда Сазонова вызвали на оперативное совещание в горотдел милиции.

В кабинете начальника уголовного розыска уже находились прокурор города, Будрайтис, Маргонин и другие оперативные работники. Несмотря на то, что совещание еще не началось, в тесной комнате было уже накурено так, будто заседали целый день.

Начальник угро города Зинкин был нетороплив и даже медлителен, что раздражало высокое начальство. Бывший рабочий, широкоплечий, жилистый, он сохранил от фабричной жизни упорство и способность к физическим перегрузкам, а также умение ладить с людьми.

— Какие версии возникли по этому делу? — спросил он после доклада Сазонова, делая пометки в блокноте толстым красным карандашом. — Убийство это или самоубийство? Что вы скажете, товарищ Маргонин?

— Не исключено, что профессора убили с целью грабежа. Злоумышленники — один или двое — проникли в квартиру с помощью отмычки...

— Но бандиты могли забраться в дом через открытое окно из сада, — возразил Зинкин.

— Двор охраняет собака — немецкая овчарка. Вряд ли она пропустила бы чужих и, кроме того, профессор, услышав лай, поднялся бы с постели и подошел к окну.

— Резонно! К тому же, у преступников могло быть собственное оружие, револьвер Панкратьева дал осечку, а застрелили профессора они, — высказал предположение прокурор.

— Не думаю, — возразил Маргонин, — по данным акта судебно-медицинского осмотра, выстрел был произведен с близкого расстояния. Кроме того, я только что получил заключение баллистической экспертизы. Пуля выстрелена из револьвера «Смит и Вессон», принадлежащего профессору.

Маргонин был человеком импульсивным. И сейчас он готовился высказать не просто версию, но и свое глубокое убеждение, что преступление совершено так, а не иначе. И готов был возражать, в случае необходимости, даже Михаилу Максимовичу Зинкину, к которому относился с большим уважением.

И Маргонин уверенно продолжал:

— Мне кажется, что картину по данной версии можно нарисовать следующим образом. Воры, один или двое, увидев, что жена профессора ушла на базар, и предполагая, что дома никого нет, решили воспользоваться этим и открыли дверь с помощью отмычки. Взяв ценные вещи, они хотели уйти, но, услышав шум, профессор проснулся и, увидев злоумышленников, вытащил из-под подушки револьвер и нажал на спуск. Однако случилась осечка. Этим и воспользовались преступники. Они выхватили у Панкратьева оружие и застрелили хозяина дома из его же револьвера. Услышав скрип открываемой двери, бандиты бежали через окно, захватив с собой ценности.

Откровенно говоря, Зинкину не нравилось, когда обыкновенные рабочие версии высказывали как истину в последней инстанции. «Но Леонид, возможно, прав», — подумал он.

— Версия товарища Маргонина правдоподобна. Думаю, ее можно в основном принять, — отмстил Зинкин.

— Какие будут еще предположения?

— Будут, — Сазонов не спеша поднялся, заговорил обычным невыразительным голосом, тщательно подбирая слова: — Не исключено, что профессора убила жена. Ее довольно путаный рассказ вызывает подозрения. И потом: зачем она перенесла умирающего мужа вместе с матрасом, подушкой и простыней на пол? Да и хватило бы у женщины сил для этого? Полагаю, она симулирует кражу, чтобы скрыть свое преступление.

— Какой ей, по-вашему, смысл убивать мужа? — спросил Зинкин.

Сазонов чувствовал, что говорит неубедительно, но ответил:

— Об этом пока можно лишь догадываться. Многого мы еще не знаем.

— Есть ли еще версии? Пока нет...

Зинкин встал — стройный, подтянутый, с черными навывкате глазами и небольшими усами на смуглом лице.

— Для расследования этого дела создается оперативная группа в составе народного следователя второго участка Сазонова Георгия Викторовича и старшего уполномоченного уголовного розыска Маргонина Леонида Владимировича. Возражений нет? Будем считать, что принято. Итак, вам, товарищ Маргонин, поручаются поиски пропавших вещей. Возьмите под наблюдение базары и «толкучки», комиссионные магазины, скупщиков краденого. Один вы не справитесь. Привлекайте людей из других милицейских участков. Описание краденых ценностей, сделанное Панкратьевой, уже размножено...

Кроме того, очень важно найти очевидцев происшествия. Лахтинская — небольшая улица. Там все друг друга знают. Возможно, утром 5 августа кто-нибудь и видел преступников, открывавших дверь профессорской квартиры. Расспросите подробно соседей.

Заслуживает внимания и версия о возможном убийстве Панкратьева женой. Она выдвинута вами, Георгий Викторович, вам, как говорится, и карты в руки. Побеседуйте с вдовой, соберите факты, имеющие к этому отношение. Есть ли еще вопросы? Тогда все. Совещание окончено.

Ровно в двенадцать часов дня в кабинет Сазонова вошла Марина Панкратьева. В немодном сером платье и туфлях на низком каблуке, она выглядела гораздо старше своих лет. Было заметно, что Марина очень взволнована.

— Присаживайтесь, — пригласил Сазонов, рассматривая ее чуть отекавшее от слез, но привлекательное лицо с глубоко запавшими глазами. — Вначале — официальные данные.

Она заговорила быстро и возбужденно:

— Панкратьева Марина Андреевна, родилась в 1904 году в Житомире, студентка 5-го курса медфака.

— Успокойтесь, пожалуйста. Нам хотелось бы выяснить все обстоятельства смерти вашего мужа, — начал допрос следователь. — Расскажите обо всем по порядку. Каким образом вы с ним познакомились?

— В 1923 году я переехала с родителями из Житомира в Ташкент и в том же году поступила на медицинский факультет САГУ. Когда училась на третьем курсе, познакомилась с профессором Панкратьевым, который читал у нас лекции по физиологии. Мы стали встречаться. Через полтора года он сделал мне предложение.

Со своей женой Николай Петрович развелся несколько лет назад и был совершенно одинок. В декабре прошлого года мы зарегистрировали брак в загсе, а затем венчались в церкви.

— Как сложилась ваша жизнь с профессором?

— Все бы хорошо, но, к сожалению, он ревновал меня даже к матери. Я проводила около нее много времени, потому что мама очень больна, и нужно было за ней ухаживать, а Николай Петрович скучал без меня. Он говорил, что эти часы вычеркнуты из его жизни. Особенно он нервничал, когда мне приходилось ночевать в родительском доме.

— Каким был покойный по характеру?

— Николай Петрович был человеком замкнутым: в гости мы не ходили и у себя никого не принимали.

— А в чем суть научных исследований вашего мужа, вы знаете?

— Профессор занимался очищением крови у животных, которым предварительно вводили различные ядовитые вещества. Он говорил, что находится на пороге большого открытия в медицине. Но последние месяцы приходил домой мрачным: опыты заканчивались неудачей.

Николай Петрович сконструировал специальный прибор для освобождения крови от балластных веществ, которые накапливаются в ней при болезни почек, но положительных результатов не добился. Это удручало его, делало раздражительным

и нетерпимым. Последнее время я с трудом уживалась с ним и в глубине души не раз пожалела, что вышла замуж за человека с таким тяжелым характером... Но я его очень любила.

— Что вы думаете о краже вещей?

— Ума не приложу, когда их успели похитить? Ведь ящик письменного стола, где они лежали, был закрыт на замок. Подобрать к нему ключ было трудно. В том же ящике находился труд мужа о прижизненном промывании крови, но, по-моему, и рукописи этой при обыске не нашли. Впрочем, в то утро я была так расстроена, что не помню...

— Ну, а что было накануне гибели Николая Петровича? В каком он был состоянии? Может, произошло что-то из ряда вон выходящее?

— Да нет, — ответила Марина. — Все было, как всегда. Я задержалась опять у мамы, но ненадолго. Вернулась около половины одиннадцатого, потом мы еще долго говорили о последних неудачах профессора в научных исследованиях и о наших взаимоотношениях. Конечно, они оставляли желать лучшего. Я дала мужу понять, что твердо решила уйти от него. Он измучил меня своей ревностью. У меня сил не осталось! Ночью он спал плохо, часто выходил пить воду. Ну, а утром... Об этом вы знаете.

Сазонов перелистал несколько страниц дела, нашел место, отчеркнутое на полях красным карандашом, спросил:

— На прошлом допросе вы показали, что, увидев мужа с простреленной головой, подняли с пола револьвер и положили его на столик в прихожей. Как человек, знакомый с медициной, и, наверное, с медициной судебной, вы должны были знать, что в таких случаях ничего трогать нельзя. Все должно было оставаться на своих местах.

— Я в тот момент совершенно растерялась, мои поступки были необдуманны и сейчас для меня совершенно непонятны.

— Можете еще что-нибудь добавить? — Сазонов внимательно посмотрел на допрашиваемую.

— Пожалуй, я рассказала все.

— Тогда подпишите каждый лист протокола отдельно.

Что-то в рассказе Марины насторожило следователя: чего-то она, судя по всему, не договаривала, хотя, в общем-то, рассказ ее казался правдивым. И все-таки Сазонов чувствовал, что Марина знает о смерти мужа гораздо больше, но почему-то умалчивает об этом.

Отца Марина не помнила. Мать вышла во второй раз замуж, когда девочке было три года. Отчим служил инженером в строительном тресте и был всегда занят. Мать Марины — Елизавета Павловна Турбина — окончила гимназию, в совершенстве владела французским языком, играла на фортепьяно.

В доме Турбиных собирались друзья отчима, по тому времени люди передовые, интересные, говорили о литературе, музыке, живописи, много спорили. Марина сама рисовала, бегло разговаривала по-французски, но была замкнутой, стеснительной девушкой, неловко чувствовала себя в компании сверстников. Может быть, это было связано с тем, что еще в школьные годы у нее начала развиваться близорукость, и на занятиях она носила очки. Вероятно, поэтому и успехом у молодых людей не пользовалась.

В институте Марина училась хорошо, некоторые лекции приводили ее в восторг, в особенности лекции профессора Панкратьева. Читал он действительно артистично и до такой степени увлекался, что иногда в его речи проскальзывали целые фразы на немецком, английском или французском языке. Самые сложные проблемы он умел донести до слушателей так, что они становились понятны и менее подготовленным студентам. Молодежь Панкратьева любила, он всегда был справедлив и доброжелателен, на экзаменах никогда не придирался, его больше интересовало не заучивание отдельных фактов, а умение самостоятельно мыслить.

Ближе познакомилась Марина с профессором случайно. Однажды, когда у матери был тяжелый приступ желчнокаменной болезни и она всю ночь страдала сильными болями, Марина, совершенно отчаявшись, решила обратиться к Панкратьеву за помощью и ранним утром уже стучалась в ворота особняка на Лахтинской. Открыл ей сам профессор, помятый и заспанный. Выяснив, в чем дело, пригласил Марину в гостиную. Извинившись, попросил ее обождать, а сам пошел собираться.

Через несколько минут Панкратьев вышел из спальни, свежий и подтянутый, с небольшим докторским саквояжем.

Осмотрев больную, Панкратьев быстро приготовил шприц и сделал инъекцию. Через полчаса Елизавета Павловна почувствовала

себя гораздо лучше. Профессор выписал несколько рецептов и рекомендовал аккуратно принимать лекарства.

Недели через две Николай Петрович позвонил, справился о здоровье матери и пригласил Марину в театр оперетты. Ставили «Летучую мышь». Марина была в этом театре впервые, и все казалось ей необычным. Замечания профессора относительно игры актеров были очень меткими. Некоторых из них профессор знал лично и после спектакля повел Марину за кулисы. Встреча с артистами надолго ей запомнилась. Вскоре последовало новое приглашение, на этот раз — на богослужение в церковь. Панкратьев оказался знатоком церковной жизни, этого отдельного замкнутого мирка. Как Марина потом узнала, профессор, выросший в семье помещика, был религиозен.

Они стали встречаться все чаще, а однажды Николай Петрович поделился с Мариной своими планами и мечтами. «Если мои исследования приведут к положительным результатам, можно будет вылечить любое инфекционное заболевание, — говорил он. — Но отмывание крови от микробов — это задача будущего. А в ближайшее время мой метод позволит спасти человека, отравившегося угарным газом или страдающего тяжелой болезнью почек, в тех случаях, когда почки уже не в состоянии справиться со своей основной задачей — очищением крови от вредных, балластных веществ. Или вот еще одна захватывающая тема. Вы слышали, конечно, об искусстве древних египтян бальзамирования трупов? Мумии египетских фараонов хранятся уже несколько тысяч лет. Хотя секрет бальзамирования был утерян, сейчас работами ученых он в значительной степени восстановлен. Несколько лет своей жизни я посвятил этой проблеме.

Если можно столь долгое время сохранять клетки и ткани, то, вероятно, возможно и их оживление, ведь жизнь когда-то возникла на Земле из неживой природы. По-видимому, это задача отдаленного будущего. Но все же... Я пробовал оживлять нервы лягушки. Это мне удалось. Проблема исключительной сложности. Потребуются даже не десятки, а сотни тысяч опытов, целые коллективы ученых.

А пока что подойти к решению этой проблемы почти невозможно. Аппаратура у нас самая примитивная. Многое можно было бы изготовить самим, но нет ни опытных техников, ни нужных материалов. Даже простейшие приборы приходится выписывать из-за рубежа. Так, конечно, будет не всегда».

Марине было очень интересно с Панкратьевым. Его беседы на научные темы, рассказы об ученых, которых он хорошо знал, вызывали у нее уважение. Марина все больше привязывалась к Николаю Петровичу, и когда через несколько месяцев он сделал ей предложение, это не было для нее неожиданностью.

Ташкент изнывал от зноя. Казалось, все живое спряталось от палящих лучей солнца, однако около киоска с газированной водой у кольца четвертого трамвайного маршрута выстроилась длинная очередь. Чуть дальше шашлычник, укрывшись в тени деревьев, обмахивал мангал фанерной дощечкой. Редкие посетители за неказистыми столиками не обращали внимания на дым и чад.

Пообедав шашлыком и запив его горячим зеленым чаем, Маргонин направился на Лахтинскую. Проехав на трамвае одну остановку, он дошел до улицы Гоголя и через несколько минут был почти у цели. Он шел по Лахтинской, стараясь держаться в тени, но солнце было в зените, «прижимало» тень к домам.

Леонид постучал к соседям Панкратьева и спросил, не видел ли кто рано утром в воскресенье незнакомых людей у дома профессора. Ему указали дом напротив профессорского: «Здесь живет старик пенсионер, он часто сидит на скамеечке у крыльца и смотрит в окно».

Домик под зеленой крышей был небольшой, аккуратный, недавно выкрашенный голубой и белой краской. Вдоль арыка росли вишневые деревья.

Маргонин нажал на кнопку, и звонок надсадно заверещал за дверью. Вскоре послышались шаркающие шаги. Вышел старик в старой пижаме и шлепанцах. Его большая белая борода была расчесана надвое.

— Я из уголовного розыска, — представился Маргонин и показал удостоверение. — Хотел бы с вами поговорить.

— Проходите, — предложил старик.

Большая уютная комната была заставлена старинной мебелью.

— Николай Николаевич Забелин. — Хозяин дома слегка поклонился. — Когда-то преподавал латынь в женской гимназии, а теперь, увы, на пенсии.

— Николай Николаевич, утром пятого вы были дома?

— В котором часу?

— Часов в восемь утра.

— Да, конечно.

— Вы в это время что-нибудь слышали? Может быть, крики или даже выстрел?

— Конечно же, слышал. Правда, не выстрел. Люди кричали, что сосед застрелился. Вместе со всеми я подбежал к дому Панкратьева, но внутрь не входил. Вскоре приехала скорая помощь, а затем и милиция... Николая Петровича я знал хорошо. Мы часто беседовали с ним. Очень эрудированный был человек.

— На улице или рядом с домом профессора вы незнакомых людей в тот день не видели?

Наморщив лоб и глядя прямо перед собой, старик начал вспоминать.

— В то утро меня разбудил своим криком точильщик. Он поставил станок как раз напротив дома Панкратьева и закричал: «Точить ножи, ножницы!»

«А ведь этот точильщик мог видеть преступников!» — подумал Маргонин и поинтересовался:

— Что за человек этот точильщик?

— Зовут Василием Степановичем, его все на нашей улице знают, — ответил старик.

Дворник одного из домов подсказал Маргониному, что дядя Вася почти ежедневно бывает в Полторацкой больнице. Точит там кухонные ножи. Но в больнице сообщили, что Василий Степанович только вчера уехал к родственникам в деревню. Куда-то в Россию. Где находится эта деревня, так и не удалось узнать. Дядя Вася адреса соседям не оставил.

Так ничего и не выяснив, Маргонин направился в горотдел. Секретарь начальника угро Ниночка сказала, что шеф уже два раза его спрашивал, а сейчас проводит совещание.

Маргонин вошел в кабинет Зинкина. Тот кивком указал на стул. Докладывал Сазонов.

— Так что же мы знаем о самом Панкратьеве? — спросил Зинкин.

— Мне, к сожалению, не удалось пока собрать необходимых сведений о профессоре, только данные, полученные из личного дела, хранящегося в отделе кадров университета. — Сазонов достал из папки два небольших исписанных мелким почерком листка и начал читать.

Из данных следовало: родился Панкратьев в 1877 году в Воронеже. Учился в Воронежской гимназии, которую окончил с золотой медалью. В 1895 году поступил на медицинский факультет

Харьковского университета. В 1898 году, еще будучи студентом, публикует сообщение о своей первой экспериментальной работе.

Окончил медицинский факультет в 1900 году. В 1903 году работает в области практического применения некоторых фармакологических соединений. В 1905 году уехал на театр военных действий (русско-японская война). По возвращении с фронта приступает к работе в качестве помощника прозектора физиологической лаборатории при Харьковском университете и продолжает исследование некоторых лекарственных соединений.

В 1911 году успешно защищает докторскую диссертацию. Одновременно проводит ряд солидных экспериментальных работ, в частности, разрабатывает метод мумификации трупов людей и животных.

— Что? Что вы сказали? Каких трупов? — перебил Зинкин.

— Ну, в общем, я еще сам толком не знаю. Но думаю, что-то с мумиями связано.

— А при чем тут мумии? — вмешался Маргонин. — Что за чушь ты говоришь?

— А вот и не чушь! Я слышал, что он занимался бальзамированием.

— Это что же, как в Египте, что ли? — спросил Зинкин.

— Наверное, что-то вроде этого. Вот видите, как в личном деле написано: «му-ми-фицировал». — Сазонов оглядел примолкших сотрудников и продолжил чтение: — «Будучи уже прозектором и приват-доцентом Харьковского университета, Панкратьев в 1914 году впервые высказал мысль о возможности прижизненного промывания крови с целью ее освобождения от микробов при различных заболеваниях.

В конце 1919 года Панкратьев переезжает в Ташкент, где принимает участие в организации медицинского факультета САГУ и затем избирается по конкурсу профессором кафедры физиологии.

В 1922 г. опубликовал статью в «Туркестанском медицинском журнале» о консервации сердца кролика в специальном растворе.

А в 1924 году начинает исследования по прижизненному промыванию крови у животных, отравленных смертельными дозами различных ядов, в частности, морфием. Свои наблюдения он обобщил в работе «Прижизненное промывание крови».

— Ну и ну! — воскликнул Зинкин. — Там бальзамирование трупов, тут промывание крови... Одно из двух: или это действительно большой ученый, или... Ну, ладно, читайте дальше.

— Пожалуй, это все, одна строчка осталась: «Является автором 47 научных трудов».

— Да-а... — протянул Зинкин. — Придется нам, видимо, поглубже познакомиться с работами профессора. Ну, а пока изучите все его знакомства.

— Я еще порылся в центральных газетах и вот нашел статью. Опубликована летом прошлого года. — Сазонов вынул из кармана измятую на сгибах газету и прочел: — «Оживление мертвого животного. Опыт профессора Панкратьева. Ташкент, 23 июня. На кафедре физиологии медицинского факультета САГУ профессором Панкратьевым проведен необычный опыт оживления мертвого животного. Из местного зоопарка на кафедру была доставлена обезьяна, у которой под наркозом выпустили всю кровь. Животное лежало бездыханным. После соответствующей обработки кровь была влита в организм. Обезьяна очнулась, снова задышала, ожила, была доставлена вновь в зоопарк. Опыт Панкратьева открывает новые горизонты в медицине. В ближайшее время исследования будут расширены».

Зинкин посмотрел в окно: совсем рядом росла урючина, ее ветви заглядывали в окно, и от этого в комнате казалось прохладнее в такой жаркий летний день.

— Мне сегодня позвонили из САГУ, — в раздумье произнес Зинкин, — сообщили, что в последние годы профессор работал над каким-то важным медицинским открытием. Труд он закончил. Но при обыске в квартире рукопись не нашли. И вообще, может быть, кража вещей — только маскировка?

— Хорошенькая маскировка. Столько ценных вещей исчезло! — воскликнул Сазонов.

— Кто знает, — проговорил Зинкин, — возможно, труд, то есть рукопись профессора куда ценнее.

Дело Панкратьева с каждым днем разбухало, обрастало протоколами допросов, справками, объяснениями. Первая страница дела представляла собой схему розыска. От четырехугольника, внутри которого было выведено — «Панкратьев», отходили прямые линии: линия родственников, линия сослуживцев, линия соседей, линия возможных свидетелей.

Судебный медик Будрайтис, проводивший наружный осмотр трупа, показал, что на кровати и на столе следов крови не обнаружено. Домработница рассказала, что постоянно в доме

Панкратьевых она не жила. Была приходящей прислугой: стирала белье, убирала квартиру, готовила обед для семьи профессора и еду для собаки. Револьвер Николай Петрович обычно носил с собой или запирал в ящик стола.

Сосед профессора, учитель Крайнов, показал, что Николай Петрович был душевным человеком и часто рассказывал ему о своих опытах. По словам Крайнова, профессору предлагали за открытие большие деньги, и даже в иностранной валюте. Однако кто именно предлагал, свидетель не знает: об этом ему Николай Петрович не говорил.

Кафедра физиологии медицинского факультета, куда направился Сазонов, находилась на территории больницы имени Полторацкого. Студентка в белом халате указала следователю на небольшое здание из красного кирпича. Занятия еще не начались, и на кафедре оставалась лишь одна лаборантка. Все были в отпуске.

Лаборантка, молодая жгучая брюнетка, сидела в просторной комнате, заставленной различными приборами, и полировала ногти. Увидев постороннего человека, она смутилась и спрятала маникюрные принадлежности в стол.

— Я из милиции, — представился Сазонов, — хотел бы уточнить кое-что. Вы ведь слышали, что профессор застрелился?

— Да, это ужасно.

— Не могли бы вы мне растолковать, что за опыты ставил Николай Петрович?

— Профессор и его сотрудники выпускали кровь у собак и затем вливали ее обратно. Для чего они это делали, я точно не знаю. Вам лучше бы обратиться к доктору Тарасову, но он сейчас отдыхает в Крыму.

— Я хотел бы осмотреть кабинет Панкратьева.

Лаборантка открыла дверь в небольшую скупо обставленную комнату: письменный стол у окна, белый металлический шкаф со стеклянными дверцами. В шкафу — какие-то банки с заспиртованными органами. Обтянутая черной клеенкой кушетка, два венских стула с гнутыми ножками. На письменном столе лежали учебники по физиологии человека и медицинские журналы на немецком языке.

В углу — какой-то непонятный прибор величиной со шкаф.

В одном из ящиков стола Сазонов обнаружил смятый конверт. Письмо было адресовано профессору Панкратьеву и отправлено из

Оренбурга на медфак САГУ 15 июля. Конверт был пуст. Но при тщательном осмотре остальных ящичков письменного стола следователь нашел обрывок письма с одной лишь строчкой, написанной тем же почерком, что и адрес: «Если ты до первого августа не...»

— Вы не знаете, чей это почерк? — Он протянул конверт и клочок бумаги лаборантке.

Девушка внимательно вглядывалась в неровные строчки.

— У нас на кафедре так, кажется, никто не пишет. А вообще я припоминаю: где-то в конце июля к шефу зашел мужчина, которого я раньше никогда у него не видела. Посторонние на кафедру к профессору вообще не приходили. Разговор у них, по-моему, был неприятным: шел на высоких тонах. Под конец тот человек выбежал из кабинета, что-то недовольно бормоча. Ну, я не спрашивала, кто это. Считала это нетактичным.

— Как выглядел посетитель?

— Самый обыкновенный. Среднего роста, рубашка с закатанными рукавами. Да, еще мне запомнились небольшие усики. Он был, по-видимому, родственник профессора.

— Почему вы так решили? — удивился следователь.

— Спустя несколько дней я вытирала пыль с полок: уборка кабинета входит в мои обязанности. Одна из книг упала, и на полу оказалась фотография. Это был тот самый мужчина, но совсем еще молодой, без усов и в офицерском кителе.

— Где эта фотография сейчас?

— Наверное, там же. Я положила ее снова в книгу. — И девушка достала из толстого тома фотоснимок молодого человека со скуластым лицом и пристальным взглядом. Он был в форме прапорщика царской армии. На обратной стороне фотокарточки никакой надписи не было.

— Эту фотографию и письмо придется временно изъять для приобщения к делу. — Сазонов взял снимок и вместе с письмом спрятал в портфель.

10 августа Сазонов пригласил на допрос первую жену покойного — Антонину Ивановну. Перед следователем сидела рано состарившаяся женщина с осунувшимся морщинистым лицом и седыми волосами. На ней было выгоревшее на солнце ситцевое платье, на отечных ногах — старые, давно требующие починки туфли.

Она заговорила вначале медленно, а потом — все более оживляясь:

— Вышла я замуж за Николая Петровича в Харькове, он тогда еще студентом был, затем вместе с ним переехала во Владивосток: Панкратьева призвали в армию, и он принимал участие в русско-японской войне. После войны мы снова оказались в Харькове, а в конце 1919 года переехали в Ташкент. Долгое время детей у нас не было, — продолжала рассказ Антонина Ивановна, — и мы взяли на воспитание ребенка... Но через десять лет после этого у меня родился сын, которого мы называли Петром, в честь деда. А в 1924 году он заболел и умер. Николай Петрович очень любил Петю и тяжело переживал постигшее нас несчастье. Он решил не предавать его тело земле.

— Как, как? — переспросил следователь.

— Профессор ведь был специалистом по мумификации. Он забальзамировал Петеньку и целый год хранил его дома в специальном ящике под стеклом. Сейчас тело нашего сына находится в физиологической лаборатории на медфаке. — Панкратьева вынула из потертого ридикюля платочек и приложила его к глазам.

Сазонов несколько минут молчал, обдумывая то, что ему сказала она. Потом достал из кармана пачку папирос и щелкнул зажигалкой.

— Не было ли у вашего бывшего мужа врагов, которые покушались на его жизнь раньше?

— Мне об этом ничего неизвестно.

— Чья это фотография? — следователь положил перед Панкратьевой снимок, найденный в кабинете профессора.

— Это Анатолий, — спокойно ответила женщина. — Наш приемный сын.

— Почерк, которым сделана надпись на этом конверте, вам известен?

— Почерк тоже Анатолия.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем приемном сыне подробнее, — попросил Сазонов.

— Анатолий еще юношей откололся от отца — тот хотел, чтобы сын обязательно стал врачом. В 1915 году сын наш сбежал из дома на фронт, но его вернули, и отец устроил Толю в юнкерское училище. В двадцатом году сын оказался на Дону в белой армии, затем сражался в Крыму и бежал в Константинополь. Гражданской

специальности у него не было, он стал чернорабочим и с трудом зарабатывал на жизнь. Поэтому, когда появилась возможность, он вернулся на родину. Отец признавать его не хотел. В период нэпа Анатолий содержал в Оренбурге небольшую чайную, но затем прогорел и связался с темными людьми. Недавно он приезжал в Ташкент и, насколько мне известно, просил у отца денег, но тот ему отказал.

— А где Анатолий сейчас?

— Даже не знаю, вообще-то собирался куда-то в Россию на заработки.

— Есть ли у вас родственники?

— В Ташкенте у меня никого нет. В Кисловодске живет моя родная сестра Галина Ивановна Загоруйко. Вторая сестра жила в Запорожье, но она умерла.

— Простите, Антонина Ивановна, но я хочу задать вам вопрос несколько не деликатный: почему вы разошлись?

Панкратьева с минуту помялась.

— Приемный сын не пошел по стопам отца, и поэтому, наверное, Николай Петрович его не любил, а вот младший, Петр, был его надеждой, но долгое время болел, а тут я еще вынуждена была поехать к сестре на Украину. Она тоже недомогала. Умерла на моих руках. Отсутствовала я почти полтора месяца. Ну, а когда приехала в Ташкент, на меня свалилось новое горе: мой ребенок умер. С тех пор муж возненавидел меня, и нам пришлось разойтись.

Глаза ее наполнились слезами. Она продолжала теревить платок, и Сазонов обратил внимание на то, какие у нее натруженные руки.

— Еще один вопрос, Антонина Ивановна, — сказал он чуть погодя, — Николай Петрович был человеком религиозным?

— Да, он был религиозен, но после смерти Пети перестал верить в бога.

— Приходилось ли вам встречаться с Николаем Петровичем после его второй женитьбы?

— Месяца за два до гибели я встретила его на Курином базаре, он жаловался, что живет плохо. «Но у тебя же молодая жена», — возразила я. Профессор только махнул рукой и ушел. Это и понятно: я слышала, что у его молодой жены есть друг, ну, вы понимаете...

— Друг? Кто же он?

— Говорят, работает на кафедре физиологии. Помогал профессору в опытах. Токарев его фамилия, он, как и Марина,

студент-медик.

После допроса Антонины Ивановны следователь долго не мог сосредоточиться. Так, значит, у профессора имеется приемный сын, да еще такой, что угрожал ему. А у Марины как будто есть любовник! Открылась новая сторона дела, которая неизвестно куда могла завести.

Едва Сазонов возвратился в горотдел милиции, как ему сообщили, что недавно звонил Маргонин. Он просил Сазонова приехать вместе с Мариной Панкратьевой в комиссионный магазин, что на улице Карла Маркса. Там обнаружено золотое кольцо, похоже, то самое, что похищено из квартиры профессора.

На широких дубовых дверях магазина висела табличка: «Закрито на обед». Сидя в кресле комиссионного гарнитура, Маргонин неторопливо беседовал с продавцом. Тут же находились Сазонов и Марина Панкратьева.

Уже немолодой сухощавый мужчина в синем халате почти навытяжку стоял перед Маргоным. На прилавке в изящной коробочке лежало массивное золотое кольцо с бирюзовым камнем.

— Не ваша ли это вещь, Марина Андреевна? — спросил Маргонин.

Марина внимательно осмотрела кольцо, потрогала зачем-то камень и уверенно сказала:

— Кольцо мое. Его подарил мне муж ко дню свадьбы. Вот только камень сейчас чуть поцарапан.

— Спасибо, вы нам очень помогли, — сказал Маргонин, — а сейчас мы побеседуем с вами, гражданин.

— Самоваров, — подсказал продавец.

— Как же это вы золотые вещи принимаете на комиссию, а квитанции не выписываете? Дело, в общем-то, уголовное...

— Ну, какое же уголовное, — перебил его Самоваров, — просто знакомая просила продать кольцо, ей срочно нужны были деньги, и цену я определил небольшую, всего двести пятьдесят рублей, кто же знал, что кольцо не принадлежит ей?

— Как зовут вашу знакомую? — вмешался в разговор Сазонов. — Где она проживает, где работает? При приеме вещей все эти данные вы должны записывать в регистрационную книгу.

Самоваров смутился.

— Сейчас, сейчас найду. — Он начал лихорадочно перелистывать толстый замусоленный гроссбух. Ничего так и не

обнаружив, продавец дрожащим голосом произнес: — Знаю я ее, да и зайти она должна за деньгами. Нина Петровна ее зовут, а фамилия... ну, а фамилию я запомнил.

— И адрес тоже не помните?

— Да как-то из головы все вылетело! Просто пожалел ее: документов при ней не было, не тащиться же ей в магазин во второй раз.

— Себя бы лучше пожалели: кольцо не просто ворованное — кража с убийством произошла...

Продавец побледнел и схватился за сердце.

— Да что вы, дорогие товарищи... я ведь не хотел, я только... ей богу, я не знал...

— Ну уж, так и не знали! Вот что происходит, когда нарушают закон, — сказал Маргонин. — Так и в соучастники можно попасть. Придется оформить протокол.

— Распишитесь в том, что вам известно об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, — предложил Сазонов, записывая паспортные данные Самоварова.

Вскоре продавец «вспомнил», что кольцо сдала на комиссию некая Боликова и уплатил он ей сто пятьдесят рублей. Она и раньше приносила ценные вещи, которые Самоваров потом продавал из-под прилавка.

Боликова была хорошо известна милиции как матерая спекулянтка и скупщица краденого. Через полтора часа к Сазонову доставили крупную женщину, одетую в широкое платье с давно поблекшими узорами. В своей среде Боликова имела прозвище Кобыла и репутацию скандальной и наглой бабы. Спекулянтки утверждали, что она в любую минуту может и оскорбить, и обругать, и даже руки в ход пустить.

Первый раз Боликова попала на скамью подсудимых три года назад за продажу украденного на базе сукна и получила условный срок. Затем устроилась в промтоварный магазин, спекулировала дефицитными товарами и присвоила 450 рублей из выручки. Ее осудили. Два раза была замужем, но мужья уходили из-за ее сварливого характера, дети тоже знать ее не хотели.

— Как к вам попало это кольцо?

— Мать подарила...

Следователь пригласил Марину.

— Вот, слышите: потерпевшая утверждает, что кольцо принадлежит ей. Хватит лгать, Нина Петровна! Откуда оно у вас?

— Ладно уж, скажу. Купила у незнакомого человека на базаре.

— На базаре? И когда вы его купили?

— Месяца два тому будет.

— Опять неправду говорите. Еще две недели назад кольцо было у потерпевшей. А ведь здесь, Нина Петровна, не просто продажа краденого: убийство произошло. Лучше уж говорите, от кого получили кольцо.

И Боликова призналась, что в субботу, 4 августа, к ней пришел некий Ванька-Крест и предложил купить серьги и это кольцо. Она уплатила ему 300 рублей, а так как ей самой срочно понадобились деньги, отнесла кольцо к своему давнему знакомому Самоварову.

Под кличкой Ванька-Крест в уголовном мире был известен Яков Никандрович Стецюк. Сазонов запросил его досье. В 1925 году Стецюка арестовали за кражу. Открыв отмычкой дверь, он проник в квартиру, а когда неожиданно вернулся хозяин, ударил его кастетом и пытался бежать. Не так давно Стецюк вышел из тюрьмы.

Арестовать его поручили Маргониному как человеку опытному в таких делах. Оказалось, что, вернувшись из заключения, Стецюк поселился у матери в маленьком флигеле густонаселенного дома.

Маргонин постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

— Вам кого? — неприветливо спросила она.

— Яков Никандрович дома?

— Нет его. А кто вы будете?

— Из уголовного розыска.

Оттеснив хозяйку от двери, Маргонин прошел в полутемную комнату. Обстановка ее была более чем скромной: две железные кровати, застланные серыми солдатскими одеялами, высокий комод с небольшим облезлым зеркалом, покосившийся столик, два старых стула.

— Где же Яков Никандрович?

— Уехал.

— Давно уехал? Куда?

— Недели три назад. Куда — не сказал.

— Как же так? Еще неделю назад он был в Ташкенте. Я вас предупреждаю, что мы можем привлечь вас к ответственности за ложные показания.

Обыск ничего не дал. От старушек, сидевших на скамейке у палисадника, Маргонин узнал, что Стецюка давно не видно. Где он, никому не известно.

Между тем Сазонов допрашивал еще одного соседа Панкратьевых, толстого старика, похожего на нэпмана, удалившегося от дел. К таким типам у Сазонова не было веры, но старик всю старался быть искренним.

— Значит, когда вы четвертого августа, примерно в одиннадцать часов, пошли гулять с собакой, то обратили внимание, что дверь в квартиру профессора приоткрыта?

— Да, я еще удивился — почему?

— Расскажите подробней о вашей прогулке. Вы дошли до самого пустыря?

— Я всегда так прогуливаю собаку. У пустыря я отпустил собаку, подождал, пока она набегается, и пошел обратно домой.

— Попытайтесь вспомнить, что вы увидели по пути. Какие люди вам встретились?

— Ну, встретил женщину с ребенком на руках. Ребенок плакал, и мать пыталась его успокоить. На перекрестке под деревом стоял молодой человек и курил. Похоже, он ждал кого-то. И действительно, к нему подошел высокий мужчина в светлой безрукавке и темных брюках. Они начали спорить. Слышно было — ругались!

— А почему они спорили, вы не поняли?

— Я вообще слышу плохо, тем более, что они вскоре ушли. Однако мне показалось, что молодой человек говорил раздраженно. Когда я возвращался, дверь в доме профессора была уже закрыта.

Сазонов разложил перед стариком несколько фотографий.

— Вы никого не узнаете на этих снимках?

Старик надел очки, чуть привстал со стула и с любопытством наклонился над фотокарточками.

— Вот, по-моему, один из них. Тот, что постарше, — указал он на фотографию Стецюка.

— Описать наружность молодого человека сможете? — спросил следователь.

Старик немного подумал.

— Он коренастый, не очень высокий, одежду я не запомнил, но хорошо помню, что лицо у него скуластое и на верхней губе — небольшие усики.

— Одну минуточку, — перебил свидетеля Сазонов и вышел из комнаты. Когда он вернулся, у него в руках было еще несколько фотографий.

— Может быть, на этих фотоснимках вы узнаете его?

Внимательно посмотрев на фотокарточки, старик произнес:

— Вообще-то вот этот похож, но утверждать, что я видел именно его, не могу. Тот был с усами, а этот бритый...

...Поздно вечером Зинкин докладывал начальнику милиции о ходе расследования.

— Что же представляется вам наиболее важным? — спросил начальник, откинувшись на спинку кресла. Широкоплечий, атлетического телосложения, с сединой в волосах, он относился к тому типу людей, которые любят дотошно разбираться в каждом деле. Никогда не рубил сплеча, но если принимал какое-нибудь решение, то никогда не отступал от него.

— Считаю, что кражу совершил вор-рецидивист Стецюк, дружок Анатолия — приемного сына профессора.

— Об этом Анатолии справки навели? Что известно?

— Неудачник в жизни. Превратился в перекасти-поле. Куда ветер подует, туда и его понесет. Сейчас — в сторону грабежа.

— И это все?

— Нет, не все. По свидетельству первой жены профессора, — продолжал Зинкин, — Анатолий не так давно приехал из Оренбурга. Сазонову удалось установить, что в середине июля Анатолий, оказывается, приходил на кафедру к Панкратьеву. И, похоже, угрожал ему. Мало того, в ящике письменного стола в кабинете профессора найден обрывок письма. Сохранившееся начало фразы тоже можно квалифицировать как угрозу.

— Откуда письмо?

— На конверте — штамп оренбургского почтового отделения, а почерк похож на почерк Анатолия.

— Что значит похож? Заключение экспертизы есть?

— К сожалению, текста мало. Окончательное заключение сделать не удалось. Мы телеграфно запросили из Московского управления милиции справку на Анатолия Панкратьева, на днях должны получить ответ.

— Вы допускаете, что Анатолий принимал участие в убийстве своего приемного отца?

— Скорее всего, он только «навел» Стецюка на квартиру профессора, — ответил Зинкин, — но даже и Стецюк шел только на кражу и, возможно, застрелил Панкратьева случайно, после того, как Николай Петрович вытащил из-под подушки оружие и

попытался выстрелить. На счастье Стецюка, револьвер профессора дал осечку.

— Я вижу — у вас уже есть законченная версия, — начальник милиции испытующе взглянул на Зинкина. — Но в ней есть одно явное несоответствие. Пенсионер видел злоумышленников четвертого августа, а убийство произошло пятого. Может быть, это была только «разведка»? — в раздумье произнес начальник.

— Думаю, что нет. Старик, наверно, перепутал даты, скорее всего, он видел Стецюка и Анатолия не четвертого, а пятого августа. На работу он не ходит и, как говорится, часов не наблюдает, — размышлял вслух Зинкин.

— Но и спекулянтка Боликова утверждает, что купила у Стецюка кольцо и серьги не пятого, а четвертого августа.

— М-да... здесь какое-то несоответствие, — согласился Зинкин.

— Еще свидетели есть?

— Мы вышли на человека, который пятого августа рано утром мог быть свидетелем происшествия. Это точильщик. По утверждению соседей, он в день гибели Панкратьева стоял со своим станком как раз напротив его дома. Но точильщик, к сожалению, уехал, вернется только недели через две. Где он сейчас, установить не удалось.

— Мало, очень мало известно о Панкратьевых, о мотивах преступления. Может быть, вам помощь нужна, товарищ Зинкин?

— Справимся сами, Иван Семенович.

— Мне уже несколько раз звонили из Наркомата здравоохранения и спрашивали, как идет расследование. Объявите всесоюзный розыск на Стецюка. Соберите также все сведения об Анатолии Панкратьеве. Но проводите расследование и по другим направлениям, — подвел итоги начальник.

...Несколько дней спустя Зинкин вызвал к себе Маргонина. Начальник угро был в кабинете один, просматривал несколько пухлых дел.

— Познакомься с этим документом. — Зинкин протянул телеграмму, и Маргонин прочел: «Панкратьев Анатолий Николаевич, 1900 года рождения, известный по кличке Интеллигент, дважды судимый за мошенничество, отбывал наказание в харьковской тюрьме, но за примерное поведение досрочно освобожден».

— Давно не дышал ты курортным воздухом? — спросил улыбаясь Зинкин.

— Вообще-то два года без отпуска.

— Тогда поезжай на неделю в Кисловодск. У Панкратьева в Кисловодске родственница живет, тетя. Тебе придется установить, что это за тетя, не скрывается ли там Анатолий, ведь после кражи ему в самый раз ехать на курорт развлекаться и спустить награбленное.

На другой день Маргонин уже стал пассажиром скорого поезда Ташкент — Москва, а еще через несколько дней подъезжал к Ростову. В купе освободилась верхняя полка, и едва Маргонин подумал, не переселиться ли ему наверх, где было бы поспокойнее, как в дверь постучали. Вошла высокая эффектная женщина со смуглым лицом и темными лукавыми глазами.

Маргонин с удовольствием уступил ей свое место внизу. Они разговорились, женщина оказалась учительницей из Кисловодска, она возвращалась домой после отпуска. Как всегда бывает в дороге, попутчица, ее звали Аней, рассказала о себе.

После неудачного брака она живет одна, воспитывает дочку. Маргонин, в свою очередь, поведал ей, что работает в милиции и едет в Кисловодск отдохнуть.

...Отец Маргонина был продавцом в известном в Ташкенте магазине Захо. Семья была большая, денег постоянно не хватало, и в старших классах гимназии Леониду приходилось подрабатывать частными уроками. В то время он сблизился с политическими ссыльными, увлекся марксистской литературой и принимал участие в митингах, которые стихийно возникали на улицах города, — шел февраль 1917 года.

Девятнадцатилетним юношей Маргонин пошел добровольцем в Красную Армию, окончил курсы красных командиров, затем его направили на фронт. В боях с белобандитами Леонид был тяжело ранен, долго пролежал в госпитале. После демобилизации встретил своего давнего знакомого — Михаила Максимовича Зинкина, который предложил ему работу в уголовном розыске.

Вскоре Леонид женился, но жене быстро надоела его работа с частыми вызовами в ночное время, она настаивала, чтобы он ушел из милиции.

Не прожив вместе и года, они разошлись, к счастью, детей у них не было. С тех пор Леонид относился к женщинам настороженно. А вот сейчас, увидев молодую интересную женщину, Маргонин посмотрел на нее совершенно другими глазами.

— А в какой санаторий у вас путевка? — спросила Аня.

— Я — «дикарь», — усмехнулся Леонид, — а говоря серьезно, еду в служебную командировку. Давно не был в отпуске, хотелось

бы немного и отдохнуть. Если удастся, — вздохнув, добавил он.

— Ну, тогда обязательно встретимся в парке. Наш парк один из самых больших в Союзе, бывалые люди утверждают, что другого такого райского уголка нигде не найти. Отдыхающие каждый вечер проводят там.

Когда они подъезжали к Кисловодску, Аня то и дело обращала внимание своего спутника на живописные окрестности. Поезд, грохоча на стрелках, въехал на мост. Внизу струился Подкумок. Справа была видна «Гора-кольцо» — «окошко» в невысоком горном кряже, покрытом кустарником.

Вскоре поезд подошел к перрону Кисловодского вокзала. На привокзальной площади, куда вышли Маргонин со своей спутницей, стояла вереница извозчиков. Увидев пассажиров, один из них лихо подкатил.

— Что ж, так и расстанемся? — с сожалением произнес Маргонин.

— Нет, отчего же... Могли бы и встретиться.

— Когда?

— Может, сегодня, часов в пять? У «Стеклянной струи». Это в парке, вам любой покажет.

Леонид помог Ане усесться в пролетку, подал чемодан и распрощался.

Кисловодская милиция находилась недалеко от вокзала. Маргонин пошел пешком, с интересом разглядывая яркий курортный город. В милиции его уже ждали — были предупреждены телеграммой. Начальник уголовного розыска, молодой человек лет двадцати пяти, пытался держаться посолиднее, но это ему плохо удавалось. Позвонив в адресный стол, он быстро выяснил, что тетя Анатолия — Загоруйко Галина Ивановна — проживает по улице Желябова, 14.

— Думаю, пока стоит установить наблюдение за этой квартирой. Возможно, племянник там и не остановился — знаю я этот дом с маленькими комнатками без всяких удобств, — разъяснил начальник угро.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Маргонин, — если пойдем к Загоруйко сразу с обыском и ничего не найдем, можем спугнуть... Вот фотография Анатолия, правда, здесь он значительно моложе и, говорят, теперь отрастил усики. — Леонид передал

фотокарточку агенту угрозыска, которому поручили вести наблюдение за квартирой.

Отдохнув с дороги, Маргонин пошел знакомиться с городом. Погода стояла чудесная, какая бывает в Кисловодске ранней осенью в «бархатный» сезон. На улицах — полно гуляющих. Особенно много народу было у колоннады — прекрасного ажурного строения, украшающего вход в парк. То и дело навстречу ему попадались группы отдыхающих в сопровождении экскурсовода. Впереди важно шествовал фотограф с треногой. Судя по всему, это были приезжие из соседних городов Кавказских минеральных вод — Ессентуков, Пятигорска, Железноводска. У Лермонтовской площадки одна из таких групп остановилась. Фотограф развернул треногу, накрылся куском черной материи и начал священнодействовать.

Маргонин с интересом поглядывал по сторонам и в то же время внимательно всматривался в лица — а вдруг в толпе мелькнет запомнившаяся по фотографии широкоскулая физиономия.

«Стеклянная струя», куда направился Маргонин, оказалась маленьким водопадом. Из небольшого пруда вода стекала вниз широким плоским потоком. Она была столь чиста и прозрачна и так искрилась на солнце, что напоминала хрусталь. Над водопадом стояла беседка, украшенная цветным витражом.

Маргонин сел на скамейку и стал просматривать «Известия». Минут через десять его окликнули:

— Добрый день, как вам понравился Кисловодск?

Маргонин не сразу узнал подошедшую к нему женщину в нарядном светлом платье. Ее волосы были аккуратно уложены. Аня показалась Маргониному гораздо красивее, чем в поезде.

— Просто чудесный город, — ответил он, — и совсем не пыльный, не то, что Ташкент.

Они медленно пошли по тенистой, посыпанной песком аллее к выходу из парка. По обеим сторонам аллеи росли раскидистые дубы и каштаны, слева шумела и пенилась стекающая с гор речушка Ольховка, одетая в бетонные берега, справа сквозь зелень виднелся красивый белый павильон. На стенде рядом с ним висело объявление: «Сегодня в читальном зале лекция о Кавказских минеральных водах». Через несколько минут показалось красивое здание из серого камня, построенное в виде крепости с небольшими башенками по бокам.

Замедлив шаг, Маргонин спросил:

— А что это там народ толпится?

— Это нарзанная галерея, здесь собирается много отдыхающих.

— Очень интересно. Давайте зайдем.

Почти в центре просторного, залитого солнцем зала, под небольшим восьмиугольным стеклянным куполом, окованным по краям медью, находился источник. Через стекло было видно, как снизу, из толщины воды, поднимаются пузырьки газа и лопаются на поверхности. Аня стала в очередь за нарзаном, и тут Маргониноу показалось, что мужчина, который с наслаждением пьет воду у самого источника это Анатолий. Маргонин даже подался вперед, подошел вплотную, но убедился, что мужчина гораздо старше. В утешение он выпил стакан целебной воды, поданный ему молоденькой девушкой в белом халате.

— Замечательная у вас вода, по-моему, это единственное место, где газированную воду, да еще такую вкусную, можно пить бесплатно, — улыбнулся он.

— А ведь я к вам за советом, — сказала Аня, присаживаясь на скамейку у большого камня, на котором, как живая, извивалась искусно сделанная медная ящерица, — есть у меня подруга, Лида Близнюкова. Живем мы по соседству и давно дружим. Несколько лет назад умер ее муж, известный в городе врач. Он оставил ей наследство: дом и, вероятно, немалую сумму денег. Лида не работает, но живет безбедно. И вдруг с ней стали происходить странные вещи.

— Какие же? — заинтересовался Маргонин.

— В ее отсутствие кто-то заходит в дом и что-то ищет.

— Может быть, вашей подруге померещилось?

— Да нет, Лида всегда отличалась практицизмом и ничего не выдумывает. Когда я рассказала, что познакомилась с сотрудником милиции, она попросила меня посоветоваться с вами.

— Что ж, попытаюсь разобраться в ее деле, жду вашу подругу завтра в горотделе милиции — там мне выделили рабочее место, а сейчас, по-моему, самое время ужинать.

Аня взяла Маргонина под руку, и они направились в небольшой погребок, расположенный невдалеке от нарзанной галереи.

...Назавтра агент Кисловодского угрозыска доложил Маргониноу, что Загоруйко занимает одну комнату, которую сдает курортникам, сама же ютится в небольшой пристройке. Сейчас у

нее живут «дикари» — муж и жена. Мужчина — пожилой человек и на разыскиваемого никак не похож. Загоруйко работает медицинской сестрой в санатории «Красный партизан». Никто, даже отдаленно напоминающий Анатолия Панкратьева, к ней за это время не приходил.

— А вдруг он еще появится, — заметил начальник уголовного розыска, — наблюдение за квартирой Загоруйко мы продолжим.

— Анатолий, возможно, сейчас кутит в ваших «злачных» местах, — сказал Маргонин. — Куда следовало бы заглянуть?

— У нас есть и такие. Это духанчик у «Храма воздуха», «Замок коварства и любви», ресторан «Чайка»...

— Вас спрашивает какая-то дама, — доложил Маргониному дежурный, — уверяет, что вы обещали ее принять.

— Да, да, попросите ее ко мне.

В кабинет, предоставленный Маргониному, вошла элегантная женщина, одетая в светлый костюм из тонкой шерсти и высокие сапожки на шнуровке — по последней моде. Она была очень хороша собой, хотя и чуть полновата, светлые волосы разделял ровный пробор, на лице играл здоровый румянец, большие карие глаза смотрели простодушно.

— Меня к вам направила Аня, — несмело проговорила она, усевшись на край стула.

— Да вы не стесняйтесь, садитесь поудобнее и расскажите, что вас тревожит.

— Начну с самого начала. Еще в двадцать первом году я устроилась прислугой к известному кисловодскому врачу Близнюкову. Жена доктора вскоре умерла, и через некоторое время Близнюков предложил мне выйти за него замуж. Многие коллеги доктора удивились: модный врач женится на малограмотной домработнице. Хотя между нами и не было вначале большой духовной близости, но жили мы на редкость дружно. Доктор оказался хорошим мужем.

Два года назад он умер. Детей у Сергея Сергеевича не было, и все имущество он завещал мне. После смерти мужа я живу одна, ко мне почти никто не приходит, за исключением подруги.

— Так что же заставило вас обратиться в милицию?

— Видите ли, кто-то бывает в моем доме, когда я уйду.

— Почему вы так решили?

— Некоторые из вещей оказываются не на своих постоянных местах. Например, коврик у кровати был сдвинут, всегда закрытый

ящик письменного стола кто-то вытащил, некоторые из безделушек в серванте вдруг поменялись местами.

— У вас есть домработница?

— Нет, квартира состоит из пяти комнат, и я, по давней привычке, сама убираю их. Я не стала бы обращаться к вам, если бы вчера, когда вернулась из парка, не обнаружила бы на полированном столе в гостиной небольшую горку пепла от папиросы. Откуда он взялся? Сама не курю и подруга не курит...

— Что-нибудь пропало у вас?

— Нет.

— Деньги, ценности вы храните дома?

— Деньги — только на текущие расходы. Оставшиеся после мужа сбережения находятся в банке.

— У вас есть золотые украшения, бриллианты?

— Муж оставил в наследство несколько картин известных фламандских мастеров, скрипку Гварнери, но вместе с другими ценными вещами, в частности с золотым портсигаром, они хранятся в домашнем сейфе, ключ от которого я всегда ношу с собой. Правда, в гостиной висит несколько картин работы отечественных художников — Ярошенко, Маковского, но, судя по всему, не они привлекают внимание незваных гостей.

— Этот таинственный посетитель не оставляет следов от своей обуви?

— Я ничего не заметила.

— Ключ от вашей квартиры вы давали кому-нибудь?

— Нет, никогда.

— У вас есть родственники в Кисловодске?

— Здесь живет моя тетя Галина Ивановна Загоруйко.

— Загоруйко? — переспросил Маргонин. — Поистине мир тесен.

— А вы разве ее знаете? — удивилась Близнюкова.

— Ну, как бы вам сказать, пока еще лично не знаю, но, вероятно, познакомиться придется. Значит, у вас есть и родственники в Ташкенте?

— Оказывается, в милиции на меня целое дело завели. А я и не подозревала об этом. Но скрывать мне нечего. В Ташкенте живет еще одна моя тетя Антонина Ивановна.

— Ваша история меня заинтересовала, — сказал Маргонин. — Я пока не могу утверждать что-нибудь определенно, но, возможно,

мне удастся кое-что прояснить в этом деле. Только я прошу о нашем разговоре никому не рассказывать.

Вечером Маргонин встретился с Аней, накануне они договорились пойти в кино.

— Уже хотела уходить, думала, не придете, но задержалась, потому что у меня есть, на мой взгляд, интересные сведения.

— Что же это за сведения? — спросил Маргонин, любуясь своей знакомой.

— Как-то Лида спросила меня, не замечала ли я случайно подозрительных людей около ее дома. Я ответила, что нет. А вот сегодня днем, когда Близнюкова пошла в милицию, у ее окон вертелся какой-то мужчина. «Что вы здесь делаете?» — спросила я. — «Хочу снять комнату». Это показалось мне странным.

— Как он выглядел?

— Молодой широкоплечий мужчина. Невысокого роста, на нем светлый костюм в полоску. Вот и все, что я могла заметить.

— Не расскажете ли, Анечка, подробнее, что за жизнь ведет Близнюкова? Ведь она не работает?

— Лида очень скромная женщина, ни с кем из мужчин не встречается, почти никуда не выходит, иногда погуляет по парку, да и то недалеко от нарзанной галереи — и домой. Много читает — муж оставил ей хорошую библиотеку.

— Она не собирается замуж?

— Я как-то сказала Лиде, что молодой женщине, тем более такой интересной, как она, не следует жить одной, но вы понимаете, эти курортные знакомства обычно заканчиваются через месяц, а Лида не ищет легких связей.

На другое утро Маргонин посетил Близнюкову. Его поразила богатая обстановка дома. В гостиной стояла тяжелая резная мебель, над столом висела хрустальная люстра, из-за зеркальных стекол горки поблескивала фарфоровая посуда, несколько подобранных со вкусом картин украшало стены. В спальне стояло большое овальное трюмо и широкая кровать, застланная стеганым розовым покрывалом. Изящный туалетный столик был уставлен флакончиками, пудреницами, расческами различных размеров, тушью для ресниц.

Стены просторного кабинета до самого потолка были заставлены книжными полками. Однако, как Маргонин ни вглядывался, сейфа увидеть ему не удалось. По его просьбе

Близнюкова нажала незаметную кнопку, книжная полка бесшумно отошла в сторону и открыла вделанный в стену несгораемый шкаф. Стало понятно, почему злоумышленник не смог найти тайник. Осмотр окон и дверей также показал, что в дом проникнуть без ключа трудно — шпингалеты были крепко вделаны, замок не имел царапин или других повреждений.

— Что вы думаете об этом деле? — спросил Маргонина начальник уголовного розыска, когда тот вернулся в милицию.

— События разворачиваются самым неожиданным образом. Как оказалось, Загоруйко — родная тетя Близнюковой. Возможно, между тайным обыском у Близнюковой и приездом в Кисловодск Анатолия Панкратьева есть какая-то связь.

— Если Анатолий действительно здесь, — в раздумье произнес начальник устро.

— Вероятно, кто-то, а может быть и Анатолий, — продолжал Маргонин, — охотится за ценностями покойного доктора. Через окна проникнуть в квартиру не могли, шпингалеты в полной исправности. Входная дверь имеет достаточно сложный замок, обычным ключом или отмычкой его не отперешь, поэтому злоумышленник имеет, несомненно, дубликат ключа.

— Дело действительно странное — Начальник уголовного розыска прошелся по кабинету. — Наблюдение за квартирой Загоруйко пока ничего не дало, племянник там не появлялся. Пора уже вам побеседовать с ней. Может быть, что-нибудь и прояснится.

Загоруйко оказалась крупной пухлой женщиной с румяным лицом. Комнатенка ее была полной противоположностью квартиры племянницы. Две металлические кровати, шифоньер, зеркало, столик и два стула составляли все ее убранство, да и то, как уже знал Маргонин, эту комнатку она сдавала курортникам, а сама жила в небольшой пристройке.

— Я из милиции, — представился Маргонин, — меня интересуют кое-какие данные о Лидии Близнюковой. Она ведь ваша родственница?

— Да, она дочь моей покойной сестры. После смерти матери Лида приехала с Украины в Кисловодск и остановилась у меня. Я ее и устроила к доктору Близнюкову. Он как раз искал прислугу. Это была тогда самая подходящая работа для Лиды. Она окончила всего 4 класса церковно-приходской школы. Это уже потом, когда замуж вышла, занялась самообразованием, стала много читать. К доктору

приходили ученые люди, и Лида не хотела ставить его в неловкое положение.

— У вас добрые отношения с Лидой?

— Да, она была мне благодарна за помощь. Ну, а потом докторша, — это слово Загоруйко произнесла иронически, — очень возгордилась, считая себя важной дамой. Быстро забыла все хорошее, что я для нее сделала.

— Вы бывали у нее?

— Раньше довольно часто, ну, а в последнее время я видела, что мои визиты ее тяготили, и стала приходить реже.

— Муж оставил Лидии Александровне большое наследство?

— Лида по характеру очень скрытная. Доктор был состоятельным человеком. Он все оставил ей.

— Она не рассказывала вам, что кто-то забирается в дом в ее отсутствие?

— Впервые слышу.

— Вы по специальности медицинская сестра?

— Да, я работаю в санатории.

— Есть ли у вас еще родственники?

— На Украине была сестра, она недавно умерла.

— И больше никого нет?

— Кроме Лиды, никого!

«Странно... — подумал Маргонин, выходя из дома Загоруйко. Почему она умолчала о родственниках в Ташкенте, хотя кому-кому, а ей уж должно быть известно о печальной судьбе Панкратьева». Кроме того, Маргонин понял, что тетя завидовала племяннице...

К тому времени адресный стол дал сведения о восьми жителях Кисловодска, приехавших в разное время из Ташкента и поселившихся здесь. Но проверка ничего не дала. Все они не имели никакого отношения к Панкратьеву.

Одним из «злачных» мест, где мог появиться Анатолий, был «Замок коварства и любви». В ресторане при «Замке» кутили со своими дамами, главным образом, нэпманы, приехавшие на курорт повеселиться. В воскресенье в ресторан приезжал даже цыганский ансамбль, о котором сообщали красочные афиши, расклеенные по городу.

«Замок» находился в нескольких верстах от Кисловодска, и Маргонин, выпросив у начальника милиции фаэтон, отправился туда с Аней. Улицы города постепенно сменились живописными

окрестностями, а через полчаса спутники были в ущелье реки Аликоновки, по берегу которой шла довольно широкая грунтовая дорога. Небольшая, но бурная речка за многие века прорыла здесь глубокое ущелье. Сейчас река была мелкой, и ее легко можно было перейти вброд, даже не замочив колен, но когда таяли снега, она выходила из берегов.

Ущелье, вначале широкое, постепенно суживалось, и вскоре путешественников уже со всех сторон окружали скалы, поросшие кустарником, а кое-где и деревьями. Мягко стучали копыта лошадей по пыльной дороге, справа доносился шум реки, размеренная езда убаюкивала. Леониду не хотелось думать ни о цели своего путешествия, ни о поимке преступника, ему было хорошо рядом с Аней, и он то и дело поглядывал на нее.

Наконец спутники увидели нагромождение скал, которое напоминало старинный замок. У подножья скалы и был расположен ресторан.

Стоящий у входа усатый швейцар в брюках с лампасами распахнул двери, и Маргонин, взяв Аню под руку, поднялся по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой, на второй этаж, где находился зал.

Аня выбрала столик у окна, и тотчас же к ним устремился официант — немолодой сухощавый мужчина в черном фраке и галстук бабочкой. Леонид заказал бараньи отбивные, фрукты и вино. Народу было не очень много, ресторан работал до часу ночи, и «настоящие» посетители собирались часам к семи.

Маргонин обвел взглядом зал. На небольшой сцене вяло играл оркестр. За соседними столиками сидели нарядные женщины с хорошо одетыми кавалерами, скорее всего — нэпманы. Анатолия в зале не было.

Толстеный тромбонист с широким носом и веревочными усиками объявил: «Наш гость из Ленинграда Африкан Семенович приветствует музыкальным номером своего друга из Казани Таджи Базаровича!» Оркестр заиграл восточную мелодию, а какой-то высокий хмельной мужчина в черкеске с серебряными газырями, покачиваясь, вышел из-за столика, пытаясь станцевать нечто похожее на лезгинку.

Время шло, в ресторане становилось все шумнее, по залу все быстрее проносились официанты с подносами, уставленными бутылками с коньяком, водкой и всякой снедью. Свободных мест уже не было, а Панкратьев все еще не появлялся. Подумав, что

Анатолий уже вряд ли придет, Маргонин подозвал официанта, представился и достал из кармана фотографию разыскиваемого. Официант чуть отодвинул фотоснимок от глаз, прищурился, затем наклонился, всматриваясь в него, и, наконец, сказал:

— Очень похож на нашего вчерашнего гостя, правда, тот был с усами и постарше. Сидел он вон там, — официант указал в центр зала, — я бы его, возможно, и не запомнил бы, но он здорово перебрал и повздорил с соседями по столу. Метрдотель уже хотел послать за милицией, но когда скандальный посетитель это услышал, то моментально стих и извинился.

— А раньше он в ресторан приходил?

— Пожалуй, нет... а впрочем, не помню.

Аня взглянула через плечо Леонида на фотографию и воскликнула:

— Так ведь это тот человек, который подозрительно вел себя возле дома Близнюковой!

— Это Анатолий Панкратьев! — сказал Леонид, когда официант отошел.

В ресторане стало жарко. Леонид и Аня вышли на небольшую террасу. В темноте угадывались очертания скал «Замка». Было душно, небо заволочили темные рваные тучи. Они были на балконе одни. Маргонин прижал Аню к себе и несмело поцеловал ее, ощутив на губах вкус яблок и вина.

Когда они ехали назад, разразилась гроза. Возница поднял кожаный верх фаэтона. Капли дождя, превратившегося в ливень, начали барабанить по крыше, водяная пыль оседала на их лицах, и Ане стало очень уютно рядом с Леонидом, который накинул на нее пиджак и обнял. Он почувствовал, как жизнь его переполняется счастьем.

Прошло всего несколько дней, и дело Близнюковой вдруг получило неожиданный оборот. Лидия Александровна вновь обратилась в милицию. Теперь ее и впрямь обокрали. Кража произошла между двумя и тремя часами дня, когда она уезжала по своим делам в Пятигорск. В квартире все было перевернуто вверх дном. К счастью, вору не удалось обнаружить тайник. Взяли все-таки две картины, висевшие в гостиной, и серебряный чайный сервиз старинной работы.

В тот день, как назло, сотрудники уголовного розыска выехали в Эссентуки на совещание и за квартирой Близнюковой никто не следил. Маргонин опросил соседей, но никто ничего не заметил.

Лишь какой-то школьник сказал, что видел у дома Близнюковой дяденьку с чемоданом. Однако описать его внешность мальчик так и не смог.

— С чего это вы снова решили меня допрашивать? — в голосе Загоруйко слышалась искусственная бравада.

— Обстоятельства изменились, — заявил Маргонин, — и на этот раз ваши показания будут записаны в протокол, а вам придется подписать его.

— Вы в чем-то меня подозреваете? — спросила Галина Ивановна.

— Будьте добры, отвечайте на вопросы. Вы давно живете одна?

— Лет пятнадцать назад муж ушел к другой.

— В прошлый раз вы говорили, что в последнее время ваши отношения с племянницей ухудшились. Почему это произошло?

— Я попросила ее одолжить мне денег. Две тысячи рублей. Она отказала. Наверное, чем человек богаче, тем становится скардней, — в ее словах чувствовалась явная зависть племяннице.

— Зачем вам нужно было столько денег?

— Хотела купить небольшой домик недалеко от парка. За него просили три тысячи. Одну тысячу я накопила, остальные постепенно бы вернула племяннице, но она мне отказала.

И тут Маргонин неожиданно спросил в упор:

— Кто такой Анатолий Панкратьев?

У Загоруйко затряслись губы.

— Не знаю такого.

— Как же не знаете? Лидия Александровна сообщила нам, что ваша сестра замужем за ташкентским профессором Панкратьевым.

— Да, это действительно было так, но они разошлись. Да и сестру я совершенно забыла. Мы давно не переписываемся и не поддерживаем никакой связи.

— А вот Антонина Ивановна не только помнит о вас, но даже и фото хранит, где вы с ней вдвоем на фоне Кисловодского орла.

Загоруйко смешалась.

— Понимаете... Мы с Тоней действительно были когда-то очень дружны, но потом, в жизни всякое бывает, разошлись...

Маргонин лишь укоризненно покачал головой:

— Но теперь-то, Галина Ивановна, вы, надеюсь, не станете отрицать, что хорошо знакомы с приемным сыном своей сестры?

Кстати, я должен предупредить вас об ответственности за ложные показания.

- Вообще-то слышала о нем, конечно.
- Почему же сразу не сказали об этом?
- Просто забыла, что есть такой на свете.
- Может быть, вспомните все-таки что-нибудь о нем.
- Нет, я ничего о нем не знаю.
- Нам придется произвести у вас обыск.
- Что же, обыскивайте...

Двое понятых внимательно следили за сотрудниками милиции, производящими обыск. Ни в комнатке Галины Ивановны, ни в пристройке украденных вещей не оказалось. Но рассматривая семейный альбом, Маргонин обнаружил фотографию юнкера с надписью: «Дорогой тете Гале от Анатолия».

— Так вы и теперь будете утверждать, что всего лишь только понаслышке знаете Анатолия Панкратьева?

Загоруйко всхлипнула:

— Извините ради бога. Я думала, что его разыскивают как бывшего офицера, и поэтому не хотела говорить о нем. Простите, пожалуйста, я испугалась.

— Могу вас заверить, что как бывшему офицеру ему ничто не грозит. Интересует он нас по совершенно другому поводу. Расскажите, когда вы его видели в последний раз.

— Я все скажу, — торопливо заговорила Загоруйко, — недели две назад, часов в восемь вечера ко мне кто-то постучал. Открыла дверь и удивилась — Анатолий. Я сразу его и не узнала, ведь мы не виделись пять лет — с тех пор, как я гостила у сестры в Ташкенте. Детей, как вы знаете, у меня нет, и Толю я очень любила. Он казался мне обделенным родительской любовью. Когда ему было 10 лет, сестра родила Петю, и с этого времени воспитанием Анатолия никто не занимался. Он был предоставлен сам себе, а в 1915 году отец отправил его в юнкерское училище.

— Анатолий остановился у вас?

— Нет. Ему у меня не понравилось. Вы же видите: комнату я сдаю курортникам, а сама живу в сарайчике. Поэтому, наверное, он и не остановился у меня, а снял квартиру.

— Где?

— Не знаю. Честное слово!

— Вам известно, что Близнюкову вчера обокрали? Взяли много ценных вещей.

Загоруйко, потеряв сознание, чуть не упала со стула. Маргонин подхватил ее, уложил на диван, налил в стакан воды и поднес к ее губам. Когда Загоруйко пришла в себя, Маргонин продолжил допрос:

— Советую чистосердечно рассказать все, что вам известно об Анатолии Панкратьеве. Так будет лучше и для вас, и для нас.

— Да, да, — согласилась Загоруйко. — На другое утро после приезда, — продолжала она запинаясь, — Анатолий пришел ко мне и рассказал, что поссорился с отцом и сейчас не имеет средств на жизнь. Я посоветовала ему устроиться на работу. Между прочим рассказала о своей племяннице, которая получила наследство после смерти мужа. Это заинтересовало Толю больше, чем я предполагала. Каким-то образом он узнал и адрес Лиды и через несколько дней пришел ко мне, как он сказал, с «серьезным разговором».

По его словам, Лидия — неблагодарный человек: ведь только с моей помощью она устроилась к доктору и если бы не я, не получила бы и наследства, а значит, тысячи три, не меньше, из оставшихся после смерти Близнюкова денег принадлежат мне. Я тоже считала, что Лида могла бы одолжить недостающую мне для покупки дома сумму, тем более, что я собиралась и в будущем сдавать комнаты курортникам и через несколько лет полностью расплатилась бы с ней. «Если Лида сама не захочет одолжить тебе деньги, мы заставим ее это сделать», — заявил Толя.

«Как же?» — спросила я. Анатолий вынул из кармана кусок пластилина. — «Зайди к своей племяннице в гости и сделай отпечаток ключа. Остальное — моя забота. Я сделаю по слепку ключ, зайду в отсутствие Лидии в дом, возьму деньги и, между прочим, оставлю расписку. Шума Лидия поднимать не станет, а деньги ты ей постепенно вернешь».

И я согласилась... Но Анатолий, хотя и заходил несколько раз в дом к племяннице в ее отсутствие, денег так и не нашел.

— Выходит, он все-таки решил вознаградить себя за хлопоты?

— Не может быть! Толя на такое не способен.

— Тем не менее, кража совершена, и вас придется задержать как соучастницу, — заявил Маргонин.

* * *

Оперативники, дежурившие во всех «злачных» и увеселительных заведениях города, неожиданно сообщили: в одном из ресторанов появился человек, похожий на разыскиваемого. Маргонин приказал проследить за ним и установить, где он проживает.

Под утро, поднявшись по мраморной лестнице гостиницы «Гранд-отель» на второй этаж, Маргонин вместе с дежурным агентом постучался в 226 номер. Дверь долго не открывали, наконец, заспанный голос поинтересовался — кто там?

— Угрозыск. Откройте.

Анатолий показался в дверях.

— Что вам нужно? — спросил он, судя по всему, еще окончательно не проснувшись.

— Вот ордер на обыск в вашем номере.

Анатолий встретил это сообщение спокойно.

— Одевайтесь, Андреев, — от портье Маргонин узнал, что Анатолий проживает в гостинице под этой фамилией.

Комната была оклеена светло-розовыми обоями и обставлена дорогой мебелью. В шкафу висели костюмы — светлый в полоску и темный, в котором Анатолий был в ресторане. В кармане темного пиджака оказалась толстая пачка денег — около трех тысяч рублей.

Обыск уже заканчивался, когда Маргонин обратил внимание на самовар, стоявший на тумбочке. Его привлекла не только оригинальность формы и искусство, с которым была изготовлена эта вещь. Самовар оказался намного тяжелее, чем можно было предположить с первого взгляда. Рассмотрев его хорошенько, Маргонин обнаружил знак пробы.

— Откуда здесь серебряный самовар?

Анатолий пожал плечами.

— Он был в номере, когда я въехал в гостиницу.

— Значит, имущество гостиницы? — обратился Маргонин к портье, присутствующему в качестве понятого.

— Нет, — пробормотал тот.

— Пойдемте с нами, гражданин Андреев, — предложил Маргонин, — разберемся, что к чему, и самоварчик с собою захватим.

В отделении Маргонин вынул из ящика стола бланк протокола допроса.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Андреев Анатолий Николаевич.

— Чем вы можете это подтвердить?

— Вот удостоверение.

По совету начальника уголовного розыска Маргонин решил построить допрос так, будто ему неизвестно, что Панкратьев носит чужую фамилию.

— Откуда у вас серебряный самовар?

— Купил на базаре за двести рублей.

— Вы давно живете в Кисловодске?

— Нет, на прошлой неделе приехал из Оренбурга.

— Есть ли у вас здесь родственники?

— Нет.

Вел он себя на допросе спокойно, хотя и смотрел на следователя несколько настороженно. По тому, как держался Анатолий и с каким трудом приходилось вытягивать из него каждое слово, следователь понял, что имеет дело с опытным рецидивистом.

— Значит, вы утверждаете, что у вас в Кисловодске родственников нет?

— Именно так.

— А Загоруйко Галину Ивановну знаете?

— Первый раз слышу.

— Нам известно, что вы не Андреев, а Панкратьев и познакомьтесь с ее показаниями, — следователь протянул Анатолию протокол допроса Загоруйко.

По мере того, как подследственный читал текст, деланная улыбка постепенно сходила с его лица.

— Все это неправда! Меня оговаривают.

— Кроме того, вас опознала и соседка Лидии Близнюковой.

Сознаваться Анатолий не торопился и на последующем допросе, и лишь после очной ставки с Загоруйко он, наконец, признался, что по слепку изготовил ключ и несколько раз заходил в квартиру к Близнюковой — искал деньги, которые она, якобы, должна была своей тете. Но денег он так и не нашел, поэтому решил взять ценные вещи, продать их и вырученную сумму отдать Загоруйко. Если бы его не арестовали, он так и сделал бы. Все украденное, за исключением серебряного самовара, Анатолий продал некоему Табаль-Рабулевичу, который был известен в Кисловодске как любитель антикварных вещей.

— Эта фамилия мне знакома, — сказал начальник угро, выслушав Маргонина, — Рабулевич — скользкий тип. До революции содержал антикварный магазин. Оформляйте ордер на

обыск, я подпишу. Пригласите кого-нибудь из специалистов-искусствоведов. Понадобится определить подлинность и ценность вещей, если они действительно у Рабулевича.

На обыск поехали Маргонин и местный архитектор. Взяли с собой также и потерпевшую — для опознания вещей. Пригласили двух понятых — управдома и дворника.

Постучали. На пороге появился высокий седоватый мужчина в синей домашней пижаме, обшитой золотым кантом, и мягких шлепанцах. Мужчина заметно испугался и спросил дрогнувшим голосом:

— Что вам угодно?

Маргонин предъявил ордер на обыск.

Квартира Табаль-Рабулевича напоминала антикварный магазин. На стенах висели картины известных мастеров, старинные иконы, на столе отбивали время бронзовые часы эпохи Людовика XVIII, несколько шкафов были заняты сервизами из фарфора. Следователь обнаружил даже две тарелки с царскими вензелями.

Во время обыска хозяин квартиры сидел в кресле и молча следил за происходящим.

— Что вы, собственно говоря, ищете? — наконец осмелился он спросить.

— Краденые вещи: две картины и серебряный сервиз старинной работы.

— Так бы сразу и сказали, молодой человек, — хозяин дома подошел к шкафу, который еще не осматривали, и вынул две небольшие картины в красивых, отделанных под золото, рамах. Одна из картин была особенно приметна: портрет молодой женщины в украинской вышитой сорочке. Темно-каштановые волосы были зачесаны на прямой пробор, карие глаза весело смотрели из-под густых бровей, на шее поблескивало монисто.

— Я сам художник, — объяснил Табаль-Рабулевич, — здесь на стенах и мои работы. Я знаю толк в живописи, и потому, когда мне предложили купить этот портрет и небольшой пейзаж, я тут же согласился.

Серебряный чайный сервиз обнаружили на кухне. Самовар входил в комплект этого сервиза.

— Вам придется подписать протокол об изъятии у вас краденых вещей, гражданин Рабулевич, и пойти вместе с нами, — сказал Маргонин.

— За что же вы меня арестовываете? Я никакого преступления не совершал.

— А скупка краденого, по-вашему, находится в пределах дозволенного?

— Но я же не знал, что эти вещи украдены. Продавец, очень интеллигентный мужчина, заверил меня, что все это принадлежит ему лично, а он сам приехал в Кисловодск из Оренбурга.

— Это не освобождает вас от ответственности. Впрочем, мы вас не арестовываем, а просто приглашаем в милицию для дополнительного допроса. Вопрос о соучастии и степени вашей вины решит суд.

На очной ставке Рабулевич подтвердил, что картины и сервиз продал ему Анатолий. После этого Маргонин вновь пригласил Анатолия на допрос.

— Расскажите нам об убийстве профессора Панкратьева, — спросил он в упор.

— Как? Разве Николай Петрович убит? — удивление Анатолия выглядело вполне искренне.

— Будто вы не знаете об этом? А между тем золотые часы, которые нашли у вас, принадлежали раньше профессору. Вы обокрали его, а когда Николай Петрович хотел оказать вам сопротивление, застрелили его.

— Это неправда, я никого не грабил и не убивал.

— Будет вам запираться, Анатолий Николаевич! Это только усугубит вашу вину. Признайтесь во всем и увидите, вам сразу легче станет. Хотите, я помогу вам? Итак, пятого августа, рано утром, вы со своим сообщником Стецюком Яковом Никандровичем отмычкой открыли дверь, проникли в квартиру профессора, взяли самые ценные вещи и уже хотели уйти, когда он проснулся, и, пытаясь вас задержать, вытащил из-под подушки револьвер. Николай Петрович нажал на спуск, но произошла осечка, и тогда ваш сообщник вырвал у профессора револьвер и в упор застрелил его. Верно я говорю?

По мере того, как Маргонин говорил, мертвенная бледность постепенно сходила с лица Анатолия, а под конец он даже попытался улыбнуться.

— Разрешите закурить? — спросил он.

— Пожалуйста.

Анатолий достал из кармана коробку «Нашей марки», вынул папиросу, постучал ею по крышке, чиркнул спичкой и глубоко

затянулся.

— Вы неплохо фантазируете, гражданин следователь, но я вас разочарую: пятого утром меня в Ташкенте уже не было, так как четвертого августа вечером я выехал скорым поездом из Ташкента в Оренбург. Об убийстве отца мне стало известно только теперь, от вас. Так что у меня имеется то, что на вашем языке называется полное алиби.

— Да, ученые нынче пошли преступники, — заметил Маргонин, — а чем вы можете это доказать? Может быть, у вас сохранился проездной билет?

— В Оренбург я прибыл шестого вечером и тут же пошел поужинать в ресторан. Там я немного перебрал, да меня еще и оскорбил какой-то фрайер. Я никогда не ввязываюсь в пьяные драки, но мой сосед по столу не выдержал и дал ему, грубо говоря, в морду. Нас привели в милицию, составили протокол, меня отпустили, а соседа посадили за хулиганство: уж очень чувствительно приложился он к физиономии того фрайера, который, как на грех, оказался какой-то важной птицей. Если в Оренбургской милиции соблюдается порядок, то протокол, составленный в ресторане, должен там храниться.

— А может быть, вы выехали из Ташкента пятого?

— Тогда я попал бы в Оренбург не шестого, а только седьмого августа. Посмотрите железнодорожное расписание. Других поездов, кроме Московского-скорого, на Оренбург нет.

— Что же, выясним и это, — откликнулся Маргонин.

В тот же день Маргонин получил телеграмму из Ташкента: «Немедленно выезжайте. Панкратьева отправьте этапом. Зинкин».

...Аня встретила Маргонина, как они и договорились, у главных нарзанных ванн. В огромные дубовые двери с узорными медными ручками проходили курортники. Из парка доносилась музыка, — там у колоннады играл военный оркестр. По проспекту гуляли нарядные праздные люди. В теплом вечернем воздухе чувствовалось что-то пьянящее.

— Я завтра должен уехать, — сказал Леонид, глядя в ее большие миндалевидные глаза.

— Как жаль, — в голосе ее послышалась неподдельная грусть.

— Мне так не хочется расставаться с тобой.

— Я приеду в Ташкент. Ведь там нужны учителя?

Уже стемнело, а они не замечали никого вокруг, долго гуляли в опустевшем уже парке...

Поезд уходил ранним утром. Маргонина провожали Аня и начальник уголовного розыска — он помог внести чемодан в вагон и тут же распрощался.

Станционный колокол прозвонил два раза. Леонид привлек к себе Аню и сказал ей то, на что не решился вчера в парке: что любит ее, что ждет в Ташкенте. Поезд тронулся. Из окна вагона Леониду были видны уходящий вдаль небольшой, словно игрушечный, вокзал и стройная фигурка молодой женщины на перроне.

По пути в Ташкент Маргонин сделал остановку в Оренбурге, чтобы проверить правдивость показаний Анатолия, хотя чутье и подсказывало ему, что тот говорил правду.

В Оренбурге было уже холодно. Шел мокрый снег с дождем, и Леонид изрядно продрог. В маленьком кабинете с табличкой «Начальник Оренбургской гормилиции» сидел уже немолодой человек в старом милицейском кителе и пил чай. Маргонин рассказал ему о цели своего приезда.

— Так можно и простыть, — сказал начальник, глядя из-под нависших бровей на одетого по-летнему Леонида, — вы, наверное, решили, что в России в это время так же тепло, как и в Ташкенте.

Через несколько минут в кабинет принесли чашку дымящегося чая, хлеб и нарезанную тонкими ломтиками колбасу.

— Вот теперь можно и за дело браться. — И начальник распорядился, чтобы принесли протокол задержания в качестве свидетеля Анатолия Николаевича Панкратьева.

Обжигаясь горячим чаем, Маргонин читал написанный химическим карандашом на двух вырванных из блокнота листочках протокол: «Вечером шестого августа 1927 года в ресторан «Уголок» пришли, чтобы отдохнуть, сотрудники местного кооператива Сапожников и Арнаутов. Примерно часов в семь официантка посадила к ним за столик двух граждан, которые заказали водку, коньяк и закуску. Вновь пришедшие — Потапов и Панкратьев, выпив, начали довольно громко отпускать непристойные шуточки по адресу находившихся в ресторане женщин. Арнаутов сделал замечание Панкратьеву, что так, мол, нельзя вести себя в общественном месте. И тут Потапов плеснул Арнаутову в лицо рюмку водки. Завязалась драка, во время которой Потапов нанес Арнаутову телесные повреждения».

— И как же развивались события дальше? — поинтересовался Маргонин, возвращая протокол.

— Сотрудники ресторана вызвали наряд милиции, хулигана доставили к нам. Удалось выяснить, что Потапов — это рецидивист, сменивший фамилию. Панкратьев, не дождавшись суда, куда-то уехал.

— Вы бы не могли вспомнить настоящую фамилию Потапова? — спросил Маргонин, допивая вторую чашку чая.

— Запомню. Но нет ничего проще. Пройдите в городской суд и посмотрите дело.

Небольшое здание Оренбургского городского суда находилось неподалеку. Разрешение на знакомство с делом полагалось получить у судьи, но тот был на заседании. Чтобы скоротать время, Маргонин прошел в зал, где шел суд. Слушалось дело о попытке ограбления сберегательной кассы. Как оказалось, двое молодых людей, угрожая оружием, потребовали от кассира открыть сейф.

Был конец дня, и посетителей в кассе уже не было. Но кассир проявила мужество и самоотверженность, она бросила в вооруженного налетчика бутылку с молоком. Грабитель выстрелил и ранил ее. Выстрел и крики привлекли внимание прохожих, и преступники были задержаны.

Маргонин подумал, что Анатолий так просто сберегательную кассу грабить бы не стал, он свои преступления тщательно продумывает и недаром в преступном мире носит кличку Интеллигент, а вот Стецюк — тот просто исполнитель и способен на любое преступление.

Дневное заседание закончилось, и через десять минут Леонид получил небольшую папку с аккуратно подшитыми протоколами допроса свидетелей и обвиняемого. В обвинительном заключении говорилось, что еще до суда была установлена личность обвиняемого, который оказался вором-рецидивистом Стецюком Я. Н. Большинство свидетелей, вызванных в суд, показали, что зачинщиком драки является именно он, и поэтому Стецюка приговорили к двухмесячному тюремному заключению.

Как явствовало из справки, приложенной к делу, он отбывал наказание в Оренбургской окружной тюрьме. Но в тюрьму Маргониному удалось попасть только назавтра, так как она находилась за городом. Здесь ему сообщили, что Стецюк Яков Никандрович три дня назад отправлен в Ташкент по требованию Ташкентского уголовного розыска как подозреваемый в убийстве профессора Панкратьева.

Официантка ресторана «Уголок», обслуживавшая в тот день столик, за которым ужинал Стецюк со своим дружкой, опознала Анатолия по фотографии, предъявленной Маргоныным. После этого Леонид выехал из Оренбурга. Через несколько дней в Ташкент доставили и Анатолия.

Едва Сазонов вошел в вестибюль горотдела милиции, как дежурный попросил его зайти в кабинет Зинкина. Начальник уголовного розыска, положив локти на стол, внимательно слушал, что отвечали Стецюк и Анатолий. Рядом с Зинкиным сидел Маргонин. Он молча пожал руку Сазонову. Зинкин кивнул ему и снова принялся за Анатолия:

— Значит, вы, гражданин Панкратьев, или Андреев, или как вас еще, даже находясь сейчас на очной ставке со Стецюком, все же отрицаете, что вступили с ним в преступный сговор и обокрали профессора?

— Я вообще возмущен тем, что здесь происходит, — Анатолий смотрел прямо в лицо Зинкину, как человек, не чувствующий за собой никакой вины, — гражданина, находящегося рядом, я знать не знаю и ведать о нем не ведаю. Я хочу сделать заявление для прокурора. Как мне стало известно во время допроса в Кисловодске, кража и убийство произошли 5-го августа. Меня в это время в Ташкенте, к счастью, не было. Поэтому ваше обвинение я считаю клеветническим.

— Вот как вы заговорили! — возмутился Зинкин.

— Да, я подтверждаю, что по просьбе своей тети взял у ее племянницы кое-какие вещи. Но это было в Кисловодске. Я поступил так, чтобы отдать Галине Ивановне то, что ей должна была Близнюкова. Это — наше внутреннее, семейное дело. А меня вдруг арестовывают и препровождают в Ташкент!

— А вы, наверное, хотели, чтобы вас в санаторий отправили, да еще по бесплатной профсоюзной путевке?.. Скажите лучше, откуда у вас золотые часы «Брегет»?

— Подарок отца.

— Так, а вы, гражданин Стецюк, знакомы с гражданином Панкратьевым?

— Первый раз вижу.

— Значит, сотрудники оренбургской милиции возвели на вас напраслину? Вот копия акта о драке. — Зинкин достал из ящика стола голубоватый листок бумаги, показал его Стецюку и потом передал Панкратьеву.

Анатолий внимательно прочел акт и подтвердил, что давал показания в оренбургской милиции как свидетель.

— Что ж, факты говорят о том, что в день убийства в Ташкенте вас действительно не было. Однако это еще не убеждает нас в том, что вы не имели отношения к убийству. Многие вы не договариваете.

— Почему это? — Анатолий даже усмехнулся пренебрежительно. — Уверяю вас, к убийству я не имею никакого отношения и к краже тоже.

— Ну, а чем вы объясните хотя бы то, что пытались скрыть свою подлинную фамилию? — продолжал допрос Зинкин. — И далее. Ваш преступный сговор со Стецюком убедительно доказан, а между тем именно Стецюк продал драгоценности, принадлежащие вдове профессора.

— Я еще раз заявляю, что с гражданином... как его, Стецюком, не знаком. В ресторане мы встретились случайно.

— Уведите Панкратьева, — распорядился Зинкин, — а с вами, Стецюк, мы еще поговорим. Итак, каким образом у вас очутились вещи покойного профессора?

— Какие вещи?

— Перечислить? Те, что Боликова купила у вас. Она созналась в этом.

— Не знаю никакой Боликовой.

— Ну что ж, идите и вы в камеру. От души советую вам вспомнить и Боликову, и все остальное.

— Вызовите Боликову для очной ставки, — обернулся Зинкин к Сазонову, — а заодно и того пенсионера, который видел Стецюка и Анатолия у квартиры профессора...

...Как ни отпирался Стецюк, но после очных ставок он сознался в том, что утром четвертого августа, дождавшись, когда профессор и его жена уйдут на работу, открыл отмычкой дверь в квартиру профессора и взял из ящика стола серьги и кольцо. Собака во дворе подняла лай, и поэтому, утверждал Стецюк, он задерживаться не стал, аккуратно задвинул ящик, а уходя, запер дверь той же отмычкой.

Похищенные серьги и кольцо он продал Боликовой и в тот же день поездом Ташкент-Москва выехал в Оренбург. На квартиру профессора никто его не «наводил», а старик, будто бы видевший его вместе с Анатолием у дома, по словам Стецюка, «просто из ума выжил».

— Алиби Стецюка в день убийства доказано. Он же не признается, что был связан с Анатолием, зная, что за групповую кражу ответственность более суровая, потому и берет всю вину за кражу на себя, — заключил Сазонов.

Зинкин посмотрел в окно. Арба, скрипя большими колесами, медленно проезжала по улице. Старик-возница в выцветшей тюбетейке как бы нехотя погонял лошадь. Арба доверху была заполнена бухарскими дынями. Их запах еще долго стоял в воздухе.

Зинкин невольно позавидовал дехканину, который уже собрал урожай и осенние заботы которого на этом закончились. Его же дела сложнее — версия об убийстве с целью грабежа отпала, предстоит неприятный разговор с начальством — следует доложить о том, что они были на ложном пути, и начинать расследование заново, по другим версиям.

Через несколько дней из Кисловодского уголовного розыска на имя Маргонина Л. прибыл пакет довольно внушительных размеров. Там оказался труд Н. П. Панкратьева «Прижизненное промывание крови» на 112 страницах и препроводительное письмо:

«Старшему оперуполномоченному Ташкентского угро тов. Маргониному Л. В.

После того, как вещи, украденные у Близнюковой, были ей возвращены, она обратила внимание на то, что в трубу самовара спрятаны какие-то бумаги. Обнаружить их при обычном осмотре было невозможно из-за оригинальной формы самоварной трубы, которая книзу расширялась. Как оказалось, это разыскиваемый вами труд профессора Панкратьева.

*Начальник Кисловодского угро
Самохин Г. Р.»*

К письму был приложен протокол изъятия рукописи, подписанный сотрудником милиции и понятыми.

Одновременно из Московского архива по запросу поступило уголовное дело Анатолия Панкратьева. Несколько лет назад он был осужден за мошенничество. Работал телеграфистом в городе Харькове и оттуда передавал ложные сообщения в Полтаву о том, что якобы ему переведены по телеграфу деньги из Ленинграда, Минска и других городов. Таким образом он получил в разных

почтовых отделениях Полтавы около четырех тысяч рублей, но был разоблачен и осужден.

Хотя дело было старое, давно законченное, его внимательное изучение позволило выяснить одно важное обстоятельство. Анатолий был вызван на повторный допрос.

— Так вы продолжаете утверждать, что не знали раньше гражданина Стецюка? — спросил у него Сазонов.

— Не знал.

— Тогда почитайте этот документ. — И он протянул обвиняемому справку, где было указано, что Анатолий отбывал наказание в одной камере со Стецюком.

Панкратьев с ненавистью посмотрел на следователя.

— И письмо, содержащее угрозы, написали тоже не вы? И, наконец, я приготовил для вас еще один сюрприз. — Сазонов вытащил из ящика письменного стола толстую рукопись и положил рядом с другими документами. — Это было найдено в трубе самовара, который вы похитили в Кисловодске.

Анатолий прикрыл глаза, как будто задремал на несколько секунд, лицо его стало каким-то блеклым, на нем появились красные пятна.

Наконец он заговорил. Да, в середине июля он приехал в Ташкент немного развлечься. Заранее прислав письмо отцу с просьбой о материальной помощи, он был уверен, что профессор не откажет, тем более, что в выражениях Анатолий не стеснялся. Но отец неожиданно выгнал его. Тогда Анатолий решил «экспроприировать» ценности у приемного отца. Случайно на базаре он встретил своего давнего «кореша» Стецюка и решил, что лучше послать «на дело» его. Сам же он стоял «на стреме».

Анатолию было известно, что профессор хранит свои ценности в одном из ящичков письменного стола, ключ к которому подобрать довольно трудно. Когда-то Николай Петрович заказывал замок к этому ящичку, и Анатолий тогда же «на всякий случай» ухитрился сделать дубликат ключа, который теперь и передал Стецюку.

Как и ожидал Анатолий, в ящичке находились золотые вещи — часы, серьги, кольцо и, кроме того, какой-то пакет, который Стецюк также захватил с собой, так как не имел времени рассмотреть, что в нем находится. Когда преступники развернули его, то обнаружили папку с рукописью Панкратьева.

Именно о ней упомянул Николай Петрович в разговоре с сыном в лаборатории:

«Ты бездельничаешь и хочешь жить припеваючи, но денег я тебе не дам, потому что трудом зарабатываю на хлеб».

«Не такой уж тяжелый у тебя труд», — возразил Анатолий.

«Не скажи, вот недавно я закончил интересную работу, дело моей жизни, первая часть которой уже отпечатана на машинке».

«Но ведь тебе заплатят за ее публикацию?» — спросил Анатолий.

«Да, конечно, я получу определенный гонорар», — ответил профессор.

«Так поделись со мной, ведь ты уже стар, зачем тебе деньги?.. Правда, я забыл, что у тебя молодая жена».

Это привело к ссоре.

Часы «Брегет» с двумя массивными золотыми крышками Анатолий забрал себе, а кольцо и серьги велел Стецюку продать. Рукопись отца он вначале думал отправить по почте обратно, но не успел это сделать до отъезда, а уж потом решил, что так даже лучше, проще будет шантажировать отца.

* * *

Маргонин зашел в кабинет Сазонова:

— Давай еще раз проанализируем и взвесим все факты, — сказал Маргонин. — Итак...

— Учти, у Стецюка и Анатолия стопроцентное алиби, — прервал его Сазонов, — и выходит, что в день смерти Панкратьева в доме был лишь один человек — его жена Марина...

— Знаю. И все-таки мне кажется, что, возможно, есть какая-то связь между кражей и убийством. Хотя убийцу, конечно, еще надо искать. Кстати, точильщик дядя Вася уже вернулся в Ташкент.

— Что ж ты молчал? — воскликнул Сазонов. — Поехали к нему.

...Во дворе больничной кухни уже немолодой человек в кожаном фартуке и темной рубашке с закатанными до локтей рукавами был занят заточкой ножей. Из-под точильного круга летели искры.

Василий Степанович вспомнил, что в воскресенье 5-го августа он пришел со своим станком на Лахтинскую. Встал, как всегда, под карагачом на тротуаре. Улица в этот ранний час была пустынной, и

работы было мало. Из профессорского дома вышла молодая женщина. Через полчаса она вернулась с двумя полными корзинами.

— Припомните, может быть, во время ее отсутствия кто-нибудь заходил в дом?

— Нет, я никого не видел, никто к профессору не заходил. Это точно. Я сам следил, не откроется ли дверь. Обычно домработница профессора давала много работы и хорошо платила.

Точильщик вспомнил еще, что на скамейке, рядом с домом профессора, незадолго до происшествия сидел знакомый ему мастерской с кирпичного завода и пил молоко. Когда кто-то закричал, что Панкратьев застрелился, мастерской первым побежал в дом.

— Затем приехала скорая помощь, а потом милиция. Но я в дом не заходил — боюсь мертвецов.

Василий Степанович помог Маргониному в тот же день найти на кирпичном заводе этого рабочего. Тот подтвердил, что действительно еще до приезда милиции первым оказался на месте происшествия. Маргонином попросил его явиться к следователю завтра к десяти часам утра.

На другой день в кабинет Сазонова вошел высокий мужчина, надевший для этого случая светлый, хорошо отглаженный молескиновый костюм.

— Значит, утром 5-го августа пришел я на работу рано, — начал он. — Примерно в половине восьмого. Смена еще не началась. Ну, я и решил, не доходя до заводских ворот, позавтракать. Присел на скамеечку. Только разложил завтрак, как вдруг вроде выстрел послышался, а потом из-за забора — женский крик: «Товарищ! Умоляю вас. Зайдите! Скорей!» Ну, я и вбежал в дом. Вижу — на полу лежит мужчина. На виске — рана, а из нее течет кровь. Он еще хрипел тогда. Я побежал к телефону, скорую помощь вызвать, а когда вернулся, он уже умер.

— Не заметили ли вы на полу около постели револьвера?

— Револьвера там не было. Иначе бы я его увидел.

— Может быть, оружие лежало на столе в прихожей?

— Нет, нигде его не было. Я это хорошо помню. На столе лежала только коробка папирос и спички. Я бросился вызывать скорую помощь. А вот когда вернулся, увидел на столе револьвер.

...На оперативном совещании у Зинкина Сазонов вновь стал развивать версию об убийстве профессора женой:

— Прежде всего, я не верю, что Марина сама смогла перенести мужа с кровати на пол. Судя по фотоснимку, убитый все время находился на полу. Да зачем ей это было делать? Непонятно и то, куда исчез револьвер после убийства и откуда он появился вновь. Вероятно, Марина, застрелив мужа, попросила свидетеля вызвать скорую помощь, но сама-то она как медичка хорошо понимала, что выстрел смертелен и профессор не дождетя врача. Револьвер же в это время находился у нее. Подбросила она его потом, чтобы инсценировать самоубийство.

— Какие же мотивы убийства? — спросил Зинкин. — Ну, возьмем для начала самый банальный: у Марины появился любовник и она захотела избавиться от старого мужа.

— А ведь правда, — вмешался Маргонин, — я внимательно читал протокол допроса первой жены покойного. Она показала, что у Марины кто-то есть... Кроме того, совершенно ясно, что если профессор был убит или застрелился на кровати, то, судя по большому количеству крови, следы ее должны были быть не только на постели, но и на стене и даже на полу. Но вот там-то их и не оказалось!

— Итак, следствие опять затягивается, — заключил Зинкин. — Эту версию следует проверить.

— Пока фактов никаких за исключением брошенной вскользь фразы первой жены Панкратьева. Скорее всего, обычный оговор. Какой отвергнутой жене нравится новая, да еще и молодая! — в раздумье произнес Сазонов.

— Тем не менее, следует проверить и это. Но здесь нужен такт. Вам, Леонид Владимирович, — обратился к Маргониному Зинкин, — придется осторожно выяснить, действительно ли был у Марины друг и где он находился во время гибели профессора. Даю вам два дня на отработку этой линии.

Маргонин довольно быстро установил, что первая жена профессора имела в виду студента Сашу Токарева, которого часто видели с Мариной. Саша работал лаборантом у Панкратьева. Жил он в студенческом общежитии — большое невзрачное двухэтажное здание с длинными коридорами и бесконечными дверями находилось на Садовой.

В 49-й комнате, где проживал Токарев, стояло четыре койки, заправленные одеялами мышинного цвета. На одной из них лежал

юноша и рассматривал рисунки в анатомическом атласе. Он сообщил Маргониному, что Саша пошел в кино.

Маргонин сел на заскрипевший под его тяжестью венский стул и вынул из кармана коробку папирос.

— Курите, — предложил Маргонин, — как вас, кстати, зовут?

— Валентином. — И студент нерешительно взял папиросу.

— Я из уголовного розыска.

Юноша посмотрел на него удивленно.

— До прихода Токарева я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Валентин сразу же стал серьезным.

— Не припомните ли вы, где Токарев был утром пятого августа?

— Пятого августа? — удивленно произнес юноша.

— В этот день нашли убитым профессора Панкратьева, — напомнил Маргонин.

— Да, да. На рассвете Саша уехал на рыбалку, а когда вечером вернулся, мы рассказали ему, что профессор застрелился. Он, помолчав, только и сказал: «Марину жалко».

— А как вел себя Токарев в тот вечер?

— Тотчас же лег спать, видимо, очень устал.

— В его поведении вас ничто не удивило?

Валентин немного подумал.

— Ну, конечно... приехал с рыбалки, а рыбы не привез, но в тот вечер только и шли разговоры о смерти Панкратьева, о рыбе мы тогда даже забыли. Лишь через несколько дней кто-то спросил Сашу, а где же рыба, Но он только отмахнулся.

Минут через двадцать пришел из кинотеатра Токарев — высокий молодой человек с черными кудрявыми волосами, красивыми карими глазами и чуть пробивающимися усиками.

— Саша, это к тебе. Товарищ из угрозыска, — сказал Валентин и вышел, чтобы не мешать беседе.

— Какие отношения у вас с Мариной Панкратьевой? — напрямик спросил Маргонин.

Токарев отнесся к вопросу спокойно. Ответил с улыбкой:

— Чисто дружеские. Не следовало бы об этом говорить, но как женщина она, мне кажется, может произвести впечатление только на человека пожилого. Она ведь в некотором роде «синий чулок».

— А на какой почве у вас возникла дружба?

— Я учусь с Мариной в одной группе и работаю лаборантом на кафедре физиологии. Она хороший товарищ, много раз давала мне книги для подготовки к занятиям — с учебниками у нас туговато, а у профессора большая библиотека. Марина часто помогала Николаю Петровичу в исследованиях, а я всегда готовлю животных к опытам. Поэтому видимся мы почти ежедневно.

— И дома у нее бываете?

— Пришлось как-то раз. Профессора в то время вызвали к больному. Она угостила меня обедом. Я, конечно, не отказался, знаете, как кормят в студенческой столовой, а Марина готовит очень вкусно. Вот, собственно, все.

Маргонин умел разбираться в людях. Токарев ему понравился, вероятно, это был умный и симпатичный молодой человек, он вполне мог вызвать серьезное чувство у Марины, но вряд ли оно было бы обоюдным.

— Где вы были утром 5-го августа?

— Вы меня в чем-то подозреваете? — удивленно спросил Саша.

— Да нет же, просто проверяем всех знакомых Марины, устанавливаем их алиби.

— Ах, вот оно что! 5-го августа, если вы помните, был выходной. В тот день мы вместе с моим другом, машинистом паровозного депо Алешей Игнатовым, поехали на Каракамьш порыбачить. Вышел я из общежития на рассвете, у сквера меня ждал Алеша. Он взял у хозяина, где живет, двуколку и лошадь. Часа через полтора мы уже были на озере.

Рыба ловилась тогда на редкость хорошо. Наловили мы много. «Куда нам столько?» — спросил Алеша. Он, как и я, холост. И мы решили рыбу продать. Купил ее рыночный торговец.

— Значит, ваш приятель работает на железной дороге?

— Да, в паровозном депо.

— И последний вопрос. Как вы думаете, профессора убили? — спросил Маргонин.

— Трудно сказать, по городу разные слухи ходят, слышал я и разговоры, что его убила Марина. Но, по-моему, это ерунда, Марина такой человек, что и мухи не обидит!

...Алексей Игнатов работал помощником машиниста на станции Ташкент-товарная. Он подтвердил рассказ Токарева во всех деталях. Нашел Маргонин и торговца, которому «рыбаки» продали рыбу. Тот рассказал, что месяца полтора назад он купил у двух

молодых людей около двух пудов рыбы. Но точно, в какой день это было, он уже не помнит...

Наконец вернулся из отпуска Тарасов, ближайший помощник профессора. На беседу с ним Сазонов возлагал много надежд.

Тарасов рассказал, что работает на кафедре физиологии уже три года, со времени окончания медфака. Исследования, в которых он ассистировал профессору, касались возможности спасения жизни собак и кроликов. Животным предварительно вводили смертельные дозы морфия, после чего у них извлекали значительную часть крови и старались отмыть яд физиологическим раствором. Затем «очищенную» кровь вновь вводили кролику или собаке.

— В результате большинство животных выживало. Правда, были и неудачные опыты. Профессор в таких случаях говорил, что в науке все возможно, бывают иногда и неудачи.

— Я слышал, что профессор работал и в других направлениях? — осведомился Сазонов.

— Да. Николай Петрович работал в области реанимации. Реанимация — значит оживление. Николай Петрович производил опыты над нервами холонокровных животных — лягушек. Нервы помещали в 0,85-процентный раствор поваренной соли. В таком растворе нерв на третьи сутки совершенно терял свои основные физиологические свойства — возбудимость и проводимость. Но после того, как на него действовали атомарным кислородом, свойства нерва восстанавливались.

Когда же на нерв воздействовали фотокатодными лучами, то процесс восстановления жизнедеятельности нерва происходил еще эффективнее. По мнению профессора, эти опыты указывали на возможность оживления тканей, в которых скрытая жизнь сохранилась. Николай Петрович считал, что после смерти не все клетки нашего тела гибнут тотчас же. Если вовремя оказать казалось бы уже умершему человеку^[3] высококвалифицированную помощь, его можно будет оживить.

Сазонов все это слушал очень внимательно и неожиданно перебил Тарасова:

— Правда ли, что подобные исследования приведут в дальнейшем к возможности оживления давно умерших людей? Ну, например, рассказывают, что профессор забальзамировал своего сына, чтобы потом оживить его, — осведомился Сазонов.

— Панкратьев полагал, что при современном состоянии науки сделать это невозможно. Однако научная мысль не стоит на месте. Если можно добиться того, чтобы, казалось бы, уже мертвый нерв восстановил свою функцию, то в дальнейшем, по-видимому, можно будет добиться оживления мертвых, даже мумифицированных тканей.

Возможно, он мечтал и об оживлении своего сына. Но вслух об этом не говорил. А мы этого вопроса не касались — ведь это пока граничит с фантастикой. Сейчас же мы работали над другой проблемой, — увлеченно рассказывал Тарасов. — Речь у нас шла лишь о возвращении к жизни человека, который только что умер и клетки головного мозга которого еще не успели погибнуть. Для этого мы и пытались разработать лечебные мероприятия.

— Вы несколько лет работали с Панкратьевым бок о бок, — продолжал спрашивать следователь. — Не замечали ли вы у него каких-либо физических недостатков?

— Нет, не замечал, — пожал плечами Тарасов.

— Не приходилось ли вам наблюдать, в какой руке он держал, например, скальпель? Может быть, он был левшой?

— Нет, во время экспериментов над животными Николай Петрович всегда держал скальпель в правой руке и вставлял иглу в вену животного тоже правой рукой, — разъяснил Тарасов.

— Как относился профессор к религии? Он верил в бога?

— Об этом даже говорить абсурдно, — возмутился Тарасов. — Когда разговор касался религии, он не раз утверждал, что был атеистом еще до революции.

— И, наконец, последний вопрос. — Сазонов устало посмотрел на молодого ученого. — Считаете ли вы, что Панкратьев покончил жизнь самоубийством?

— Не думаю, чтобы это было так. Правда, в последний год нам не везло. Собаки, над которыми проводили исследования, погибали от разных причин. Не удалось получить и желаемых результатов с помощью нового аппарата, на который профессор возлагал много надежд. Все это, безусловно, сказывалось на нем.

В последнее время Николай Петрович был подавленным, мрачным, раздражался по каждому пустяку.

— Возможно, это было связано с неравным браком?

— Профессор был одержимым в науке и, по-моему, личная жизнь его интересовала гораздо меньше, чем научно-исследовательская работа, и неудачи в исследованиях действовали

на него удручающе. Правда, нас он подбадривал, говорил, что тема новая, малоизученная, а путь ученого вовсе не усыпан розами.

Как я узнал от сотрудников, очередной опыт профессор назначил на 6 августа. И вдруг накануне — стреляется. Это нелогично.

— Да, — согласился Сазонов.

Из прокуратуры Ташокрыга прибыло письмо с визой прокурора: «Товарищу Сазонову. Прошу разобраться».

Письмо было следующего содержания:

«Приблизительно в середине июля с. г. я зашел пообедать в студенческую столовую медфака. За соседним столиком беседовали ассистент терапевтической клиники Сибирский и студентка Марина Панкратьева. Речь, как я мог понять, шла о каком-то яде. Марина просила, чтобы Сибирский помог достать его. В то время я не придавал значения разговору, но, узнав, что профессор убит, решил сообщить об этом факте в прокуратуру...

Попов А. И., студент медицинского факультета».

Клиника госпитальной терапии, куда направился Сазонов для беседы с Сибирским, размещалась на втором этаже бывшего кадетского корпуса. Пройдя через высокие двери, следователь оказался в просторном холле.

— Сюда без халата нельзя, — остановила его пожилая нянечка.

Сазонов предъявил удостоверение, после чего няня достала из шкафа хрустящий накрахмаленный халат, подала его Сазонову и проводила в ординаторскую.

Через несколько минут туда стремительно вошел невысокий молодой человек — волнистые, зачесанные назад волосы, черные глаза. Он приветливо улыбнулся. Следователь представился, и Сибирский пригласил его к себе в маленький кабинет, где усадил в глубокое кожаное кресло.

Сазонов сразу же приступил к делу.

— Извините, что пришлось оторвать вас от больных, но вопрос важный и даже несколько щекотливый. Нам стало известно о разговоре, который не так давно имел место между вами и супругой

Панкратьева. Марина Андреевна будто бы просила у вас яд. Сейчас ведется следствие по делу о возможном убийстве профессора, и поэтому я прошу вспомнить подробности этого разговора.

Сибирский вначале удивленно поднял брови, затем нахмурился, потер пальцами лоб.

— Приблизительно в начале июля, — начал вспоминать Сибирский, — я зашел пообедать в столовую рядом с больницей. Ее часто посещают преподаватели и студенты медфака, так как здесь готовят вкусно и недорого. За мой столик села хорошо известная мне студентка 5-го курса Турбина-Панкратьева и, пока мы ждали обеда, спросила, каким образом можно отравить собаку быстро и без мучений для животного. У нас произошел примерно следующий разговор:

Я. Как отравить собаку, вам гораздо лучше расскажет Николай Петрович.

Она. Муж на охоте. Я хочу отравить собаку до его приезда.

Я. Он приедет, и вам за собаку достанется. Но если уж вы так хотите, отравите ее морфием. Впрысните большую дозу... и только.

Она. Собака не будет мучиться?

Я. Не думаю. А еще лучше — цианистым калием.

Она. Какая доза необходима для собаки?

Я. Полагаю, что 0,2 грамма будет достаточно. У вас есть цианистый калий?

Она. В том-то и дело, что нет. А его можно достать?

Я. Николай Петрович вам добудет.

После этого разговор перешел на другие темы, — закончил Сибирский.

Выйдя из клиники, Сазонов оказался на аллее, обсаженной молодыми тополями. «Какой прекрасный сад скоро вырастет здесь!» — подумал он. Его обгоняли молодые люди в белых халатах — студенты медфака.

Мимо проехала карета скорой помощи. Она остановилась у приемного покоя, и санитар вывел из машины скорчившуюся от боли пожилую женщину. Сазонов помог ему довести больную до двери. А из головы все не шел рассказ Сибирского: если бы яд нужен был Марине в самом деле для собаки, проще было бы и впрямь спросить у мужа — он ведь постоянно вводил животным большие дозы яда, в частности, морфия. Следователь решил

обратиться за консультацией к профессору Тарковину — судебному медику, мнение которого среди юристов считалось окончательным.

Иван Васильевич Тарковин вел практические занятия со студентами. Он передал лаборанту ключ, попросил открыть свой кабинет и провести туда гостя. Через полчаса профессор освободился, и Сазонов подробно рассказал о возникших у него сомнениях по поводу смерти Панкратьева.

— В деле много неясного, — сказал он. — Почему, например, Николай Петрович очутился на полу, если стрелялся на кровати? Как утверждает жена профессора, она его туда перенесла. Но почему же на кровати не осталось пятен крови, ведь кровотечение было обильным? Как случилось, что на полу было постелено на двоих? Дальше. Следствию стало известно, что жена покойного примерно за месяц до его кончины просила у доктора Сибирского яд, якобы для того, чтобы умертвить собаку. Не собиралась ли она отравить мужа? Не исключено, что она все же раздобыла яд и напоила им профессора, а когда отравка не подействовала, застрелила его, инсценировав самоубийство?

История криминалистики знает такие случаи. Как известно, Григория Распутина сначала пытались отравить, а затем застрелили.

Точно не установлено, с какого расстояния сделан выстрел. Если более аршина, то это несомненно убийство. Далее. Марина Панкратьева утверждает, что профессор дважды перекрестил ее уже после того, как выстрелил себе в висок. Возможно ли это?

Наконец, у нас имеется фотография трупа, сделанная вскоре после происшествия. Можно ли по фотографическому снимку установить, был ли перенесен покойный с кровати на пол?

Тарковин внимательно выслушал следователя и, немного подумав, посоветовал произвести эксгумацию трупа: это поможет ответить на некоторые из поставленных следствием вопросов. Профессор согласился стать одним из экспертов и предложил привлечь к этому еще доктора медицины Галина и городского судебно-медицинского врача Геллера.

В тот же день следователь вместе с санитарным врачом и милиционером приехали на Новгородское кладбище. Среди крестов и мраморных памятников они довольно быстро отыскали могилу профессора, которая была покрыта давно увядшими цветами и засохшими венками. Рыхлая земля легко поддавалась заступу. Наконец, лопата ударилась о крышку гроба. Кладбищенский сторож, приглашенный в качестве понятого,

спустился в разрытую могилу и обвязал цинковый гроб веревками. Затем его осторожно извлекли и опустили на мраморную плиту соседнего памятника.

Подъехала похоронная пролетка, гроб погрузили на нее и доставили в морг, где уже ждал профессор Тарковин со своими ассистентами. Через некоторое время туда же приехали Зинкин и прокурор.

Секционная представляла собой довольно просторное светлое помещение, где стояло несколько высоких продолговатых столов, обитых белой жестью. Рядом уже лежали скальпели различных размеров, блестящие пилы и пилочки. Эксперты облачились в длинные до пола фартуки и резиновые перчатки.

Сазонову еще не приходилось присутствовать при эксгумации, и сейчас он с тяжелым чувством наблюдал за действиями экспертов.

— Мы решили воспользоваться манекеном и на нем установить, с какого расстояния застрелился или был убит Панкратьев, — разъяснил Тарковин, — револьвер вы принесли?

Сазонов протянул профессору «Смит и Вессон» и три патрона к этому револьверу. Тарковин приставил дуло к голове манекена и нажал на спуск. Глухо прозвучал выстрел. Остальные два выстрела были сделаны с расстояния 25 см и 1 метра. Сгрудившись вокруг, эксперты с интересом рассматривали образовавшиеся в результате выстрелов пулевые отверстия. При выстреле в упор отверстие было окружено сероватым налетом, а чуть ниже были видны остатки продуктов сгорания пороха и внедрившиеся несгоревшие порошинки.

При выстрелах с других расстояний серого пояска вокруг не было и следов сгорания пороха оказалось меньше. Значит, Панкратьев застрелился (или был убит) выстрелом в упор. Затем Тарковин продиктовал протокол вскрытия медицинской сестре, примостившейся за небольшим столиком у окна:

— 1927 года, сентября 20 дня в морге первой городской больницы по предложению нарследователя 2-го участка милиции Ташкентского округа Сазонова в присутствии начальника уголовного розыска г. Ташкента Зинкина и прокурора Туманова было произведено вскрытие трупа Панкратьева...

...Заключение. На основании данных вскрытия трупа и предварительного его осмотра судебно-медицинская экспертиза дает следующие ответы на вопросы следствия, — продолжал диктовать профессор. — Причиной смерти Панкратьева является

сквозное огнестрельное ранение головы. Установить, был ли он в состоянии опьянения перед смертью не представляется возможным, так как алкоголь очень быстро разлагается в организме, вскрытие же произведено, — Тарковин взглянул на висящий на стене календарь, — через полтора месяца после смерти...

На вопрос следствия, мог ли жить Панкратьев некоторое время после ранения, следует ответить утвердительно...

Сазонов и прокурор даже подались вперед, внимательно посмотрев на профессора, который, четко выговаривая каждое слово, продолжал:

— При означенном ранении возможно, что центры движения не были нарушены, как и проводящие пути, а следовательно, он мог производить после выстрела сознательные движения...

— Иван Васильевич, — перебил профессора Сазонов, протягивая ему фотоснимок, — а нельзя ли по этому снимку определить, было нанесено ранение на месте нахождения трупа или тело было перенесено после выстрела с другого места, в частности, с кровати?

Тарковин поднес фотоснимок к свету. Несколько минут эксперты внимательно рассматривали фотографию.

— Тут можно сделать лишь предположительное заключение, — сказал, наконец, профессор. Он чуть подумал и продолжал диктовать протокол: — Принимая во внимание обстоятельства дела — способ переноски тела с кровати на пол, — можно предположить следующее: учитывая, что левая половина тела и спина совершенно не запачканы кровью, а кровь скопилась впереди трупа в результате кровотечения из виска, следует полагать, что Панкратьев до наступления смерти лежал на правом боку, то есть, он умер именно в том положении, как указано на фотографии.

На другой день был получен и результат судебно-химического анализа: наличия каких-либо ядов в организме покойного не было обнаружено.

Акт судебно-медицинского вскрытия был передан Сазонову 22 сентября утром, и в тот же день он докладывал Зинкину:

— Я остаюсь при своем мнении, что профессора убила жена. Она ввела в заблуждение следствие тем, что якобы перенесла тело после выстрела на пол. Если это самоубийство, то странно, почему в ствол револьвера не затекла кровь — ведь слева от покойного была лужа крови?

Я считаю, что в действительности дело было так: рано утром, возможно, Марина Андреевна действительно пошла на базар, тем более, что это подтверждает точильщик, а когда вернулась, то заявила мужу, что собирается от него уходить. Возникла ссора. В состоянии крайнего возбуждения Марина выхватила «Смит и Вессон» из-под подушки профессора и выстрелила в упор. Растерявшись, она спрятала револьвер, но затем, опомнившись, положила его на стол. Вот почему в ствол оружия не затекла кровь и его вначале не видел свидетель, первым оказавшийся на месте происшествия.

Возможно, Марину мучило сознание того, что она слишком поспешно вышла замуж за пожилого человека, и все оказалось не так, как она представляла себе. Этого поступка она не могла простить себе, а тем более мужу. Мне кажется, что жестокое разочарование, постигшее Марину, и является одной из причин убийства. Теперь, стремясь защитить себя, она нагромождает одну ложь на другую.

Зинкин, однако, возразил:

— Думаю, что обвинение в убийстве предъявлять еще рано; снова напрашивается вопрос: зачем она убила мужа, когда можно было просто уйти от него к матери? А вдруг она была исполнительницей чужой воли, послушной марионеткой в чьих-то руках? И потому следует еще раз разобраться во всех фактах. Особенно настораживает одно обстоятельство. Ведь по церковным законам самоубийц не хоронят по религиозному обряду. Как же удалось Марине сделать это?

— Да, об этом мы не подумали. Этот факт тоже свидетельствует не в пользу Панкратьевой, — сказал Сазонов с непреклонностью в голосе. — Я в этом не сомневаюсь.

В жаркий сентябрьский полдень (в тот год даже во второй половине сентября в Ташкенте стояла тридцатиградусная жара) Сазонов направился в церковь. Очутившись в прохладе темного собора, он обратился к молодому дьячку с просьбой проводить его к священнику Стадницкому.

— Отец Арсений исповедует прихожанина, и через несколько минут выйдет.

Сазонов огляделся вокруг. Кафедра священника была отделана мореным дубом. Алтарь с позолоченным иконостасом выглядел весьма внушительно и украшал помещение. Фигуры двенадцати

апостолов, выполненные в дереве прекрасным скульптором, в полутьме казались живыми людьми.

— Кто меня спрашивает? — В дверях появился пожилой священник в длинной, до пят, безупречно сшитой рясе, с небольшим золотым крестом, висевшим на тонкой узорной работы цепочке из того же металла. Волнистая грива волос ниспадала ему на плечи.

— Я из милиции, — представился следователь, — хотел бы выяснить одно обстоятельство.

— Пройдемте в ризницу, — предложил священник и проводил Сазонова в небольшую комнату, заставленную церковной утварью. У входа стояли небольшой стол и несколько стульев.

— Вы отпевали профессора Панкратьева? — спросил следователь, усаживаясь на массивный дубовый стул.

— Нет, этим занимался священник Туровский, но мне известно об этом случае.

— А ведь самоубийц не принято отпевать и даже иногда их хоронят за пределами кладбища.

— Действительно, по церковным законам это так, но бывают и исключения, — медленно произнес священник, внимательно разглядывая Сазонова маленькими, глубоко спрятанными глазками.

— Это когда же?

— Если больной страдал душевной болезнью.

— Но ведь Панкратьев был нормальным человеком.

— Расскажу все по порядку. В начале августа ко мне явилась женщина, которая принесла письмо от владыки, адресованное мне. Епископ Фока писал, что подательница сего — жена профессора Панкратьева, покончившего жизнь самоубийством. Покойного епископ хорошо знал и просил оказать содействие в разрешении церковных похорон.

Я ответил письмом, что для погребения необходима справка от врача, удостоверяющая психическое заболевание застрелившегося. Как мне стало известно, на другой день епископ Фока вручил медицинское заключение о душевной болезни профессора священнику Туровскому, который и отпевал покойного.

— Вот как! — воскликнул Сазонов. — А где же мне найти Туровского?

— Он будет только завтра.

И следователь решил пригласить этого свидетеля к себе для официального допроса.

Туровский оказался седеньким тощим старичком. Он был весьма напуган вызовом в милицию. Трясущимися руками вынул из кармана полосатых брюк бумажку (в связи с вызовом в официальное учреждение священник надел штатский костюм) и протянул ее Сазонову.

«Удостоверяю, — прочел следователь, — что лично мне известный профессор Панкратьев покончил жизнь самоубийством в состоянии несомненной душевной болезни, которой он страдал более двух лет.

Доктор медицины епископ Фока.

5 августа 1927 года».

На круглой сиреновой печати Сазонов разобрал: «Доктор медицины Доливо-Добровольский».

— Так что я ничего противозаконного не сделал, — прерывающимся от волнения голосом сказал священник. — Если есть справка, мы хороним по церковным обычаям.

— Кто такой епископ Фока?

— Наш пастырь и наставник.

— А где его можно увидеть?

— Он служит хирургом в городской больнице.

— В городской больнице? — переспросил Сазонов.

— Да, он не только священнослужитель, но и замечательный врач, профессор-хирург.

— Вот как! — воскликнул следователь, и только тут до его сознания дошла подпись — «доктор медицины епископ Фока».

— И такое бывает?

Священник развел руками и угодливо кивнул. Сазонов подписал ему пропуск, и тот с поспешностью покинул кабинет следователя.

Городская больница находилась на улице Жуковского. У дежурной сестры Сазонов попросил разрешения пройти к профессору Доливо-Добровольскому.

В ординаторской ему навстречу поднялся человек огромного роста с большой окладистой бородой. Длинные волосы выбивались из-под надвинутой глубоко на лоб белой шапочки. В уголках его рта проглядывали черточки иронического высокомерия. Верхняя пуговица халата была расстегнута. Он вопросительно посмотрел на следователя сквозь стекла очков.

Сазонов предъявил удостоверение, достал из бумажника сложенную вдвое справку и протянул ее Доливо-Добровольскому.

— Это ваше заключение?

Профессор взял своими большими белыми руками документ, для чего-то повертел его и, наконец, сказал:

— Мое.

— Вы утверждаете, что Николай Петрович страдал душевной болезнью. Он обращался к вам по этому поводу? — Сазонов устроился в кресле поудобнее, положил ногу на ногу и, спросив разрешения, закурил.

— Нет, я его не лечил, но много знал о нем. Судя по всему, он был психически неуравновешенным человеком. Уже одно то, что он хранил в течение года в своем доме труп сына, говорит о многом! О его странных поступках рассказывала и первая жена Панкратьева. Поэтому, когда ко мне пришла Марина Турбина и сообщила, что муж застрелился, я ни на минуту не усомнился, что сделал он это в состоянии аффекта, — Доливо-Добровольский помедлил несколько секунд, собираясь с мыслями. — Если бы речь шла о том, чтобы выдать справку в какое-нибудь государственное учреждение, я бы, конечно, воздержался, но мне просто хотелось помочь вдове Панкратьева и упростить процедуру церковных похорон. Я здесь никакого криминала не усматриваю.

— Тем не менее, любое медицинское заключение следует выдавать на основании осмотра больного. Хочу вас спросить о другом: вам приходилось беседовать с Мариной о ее муже?

— Первый раз она обратилась ко мне с просьбой обвенчать ее с профессором, ну а потом, по-моему, уже в день смерти мужа.

— Считаете ли вы, что профессор покончил с собой из-за того, что страдал душевным недугом?

— Это, вероятно, не так. По-видимому, у него были и серьезные причины для самоубийства. Я слышал, что семейная жизнь у Панкратьева не сложилась: с первой женой он разошелся, второй брак оказался не совсем удачным, его первенец умер, а приемный сын оказался проходимцем... А тут еще серьезные неудачи в исследованиях по очищению крови... — Доливо-Добровольский снял очки и стал протирать их белоснежным платком. — Ну, нормальные, уравновешенные люди в этих случаях не стреляются. Некоторые же, как Николай Петрович, имеют неустойчивую нервную систему, а тут еще револьвер под боком.

— Вы считаете, что Панкратьев был религиозен?

— Профессор несомненно был верующим.

— Ну, а о самоубийстве профессора вы больше ничего не знаете?

— Я вам все сказал.

* * *

Маргонин и Сазонов заканчивали обедать в ресторане «Националь».

— Итак, — сказал Сазонов, пригладив усы и отодвинув в сторону тарелку с недоеденным пловом, — я все-таки считаю, что Панкратьева убила Марина.

— Мотивы? — Маргонин посмотрел на официанта, который принес два стакана чая, кинул в стакан кусочек сахара и, позвякивая ложечкой, начал медленно его размешивать.

— Авторитет церкви все время падает, что отражается на доходах священнослужителей. А тут еще появляется ученый, который ведет опыты по оживлению животных и собирается перенести их на человека. Мало того, он не предал земле тело своего сына. А ведь согласно Ветхому завету, воскреснуть мог только господь! И профессор становится опасным для церкви человеком, — Сазонов вытер лицо большим батистовым платком. — Ученого решают устранить. Но как это сделать? И тут помог случай.

Панкратьев женится на молодой религиозной женщине: несколько человек видели, как она целовала крест у священника Благовещенской церкви. Марина попадает под их влияние. А тут еще бесконечные ссоры с мужем, ей приходится разрываться между ним и матерью. Но Марина никогда не решилась бы на убийство, если бы ее руку не направляли священнослужители.

— И кто же конкретно? — спросил Маргонин, допивая чай.

— Пока ничего определенного сказать не могу. Но личность Доливо-Добровольского для меня непонятна. Говорят, он хороший хирург, но оказалось, что он еще известен как епископ Фока. И как это один и тот же человек может сочетать в себе материализм врача с поповскими бреднями о боге?

— Еще что-нибудь закажете? — к столу подошел официант.

— Две чашечки кофе, пожалуйста, — попросил Маргонин и, когда официант отошел от стола, вопросительно посмотрел на

Сазонова. — А разве ты установил, что существует преступный сговор между Мариной и Доливо-Добровольским?

— Пока еще нет. Но меня насторожило следующее. Несколько дней назад мне позвонила по телефону некая Малышева, сама врач, и сообщила, что в день смерти Панкратьева видела Марину, разговаривавшую с Доливо-Добровольским у его дома.

— Судя по материалам дела, она в тот день говорила с ним о возможности церковных похорон, — возразил Маргонин.

— Но ведь Доливо-Добровольский, к тому же, незаконно дал заключение о психическом заболевании Панкратьева, хотя ни разу его не осматривал.

— Для чего же он, по-твоему, это сделал?

— Возможно, чтобы побыстрее похоронить покойного и скрыть следы преступления. — Сазонов возбужденно взмахнул руками. — Понимаешь, тут всплывают интересные факты. Оказывается, судебный врач Будрайтис допустил серьезный просчет. Он должен был произвести вскрытие тела профессора тотчас же после смерти. Но Будрайтис этого не сделал. Почему? Далее. Он, как выяснилось, хорошо знаком с Доливо-Добровольским и даже приносил ему домой снимок с места происшествия, якобы для консультации, действительно ли смерть Панкратьева наступила на полу или тело перетаскивали с кровати на пол.

— А ты допрашивал Будрайтиса?

— К сожалению, пока это невозможно. Будрайтиса на днях оперировали по поводу камней в желчном пузыре, он сейчас лежит в больнице в тяжелом состоянии, и свидание с ним не разрешают. Я усматриваю между этими двумя фактами несомненную связь.

— Но это тебе придется еще доказать, а я хотел бы тебе показать один документ. — И Маргонин, вынув из бумажника сложенный вчетверо лист бумаги, протянул его собеседнику.

«Его высокопреосвященству Никандру, митрополиту Ташкентскому и Туркестанскому, — прочел Сазонов, разбирая знакомый прыгающий почерк Панкратьева с большими заглавными буквами. — Милостивую резолюцию Вашего высокопреосвященства на вступление в брак получил и приношу Вам сыновнюю благодарность. Смирнейше прошу Ваше преосвященство, милостивейший владыко, разрешить венчание священнику отцу Михаилу у меня на дому (дом собственный). Доктор медицины Н. П. Панкратьев. 10 марта 1927 г.» Ниже была приложена личная печать профессора.

— А вот заключение экспертизы, свидетельствующее о том, что письмо написано лично Панкратьевым.

— Как к тебе попало это письмо? — насторожился Сазонов.

— Несколько дней назад Зинкину позвонили из канцелярии митрополита и сообщили, что у них хранится документ, который может представлять интерес для следствия по делу о смерти Панкратьева. Я тотчас же поехал туда, и секретарь митрополита вручил мне это письмо. Вначале у нас возникло сомнение в его подлинности, ведь его можно было сфабриковать, воспользовавшись бланком с личной печатью профессора, поэтому мы и направили его на экспертизу.

— Но почему митрополит решил сообщить об этом письме в уголовный розыск?

— Вероятно, он внимательно следит за печатью, — разъяснил Маргонин. — Когда в газете появилась статья об этом событии, он и решил себя обезопасить.

Они помолчали. Настороженность не покидала Сазонова. Это было заметно по его напряженному лицу. Маргонин усмехнулся.

— Ты, Георгий Викторович, небось, думаешь, что я подкапываюсь под твою версию. Но это не так. Я тоже был уверен в своей; но потом оказалось, что это пустышка. Мы делаем с тобой одно дело, но иногда очередной поиск заходит в тупик. Нужно найти в себе силы и начать все сначала. Что же поделаешь? Такая у нас работа.

Сазонов спешил с докладом к Зинкину, но оказалось, что начальник уже сам разыскивал его. В кабинете уже находился Маргонин. Он сидел верхом на стуле и что-то доказывал начальнику угро.

— Вы читали сегодняшнюю местную газету? — спросил Зинкин, откинувшись на спинку кресла и хмуро глядя на Сазонова.

— Не успел. — Следователь присел, обратив на Зинкина внимательный взгляд.

— Вот что пишет корреспондент, скрывшийся под псевдонимом К-й. «Опыты профессора Панкратьева открыли новые горизонты в медицине. Этими исследованиями заинтересовались ученые Европы и Америки. За работу по промыванию крови ему предлагали крупнейшие суммы. Но профессор не спешил. В ближайшие дни он предполагал произвести опыты и над человеком.

Профессор хотел наиболее полно продемонстрировать свою работу на Всемирном конгрессе физиологов в Чикаго, куда его пригласили.

Профессор Панкратьев погиб. Злая рука расправилась с ученым, всю жизнь борющимся со смертью. Его ближайший ученик доктор Тарасов доведет до конца дело своего учителя».

— Так что ты, Леонид, думаешь по этому поводу?

— У меня иногда возникает серьезная антипатия к некоторым газетчикам, которые, не зная существа дела, высказывают категорические мнения в печати.

— Почему же? — вмешался Сазонов. — Я думаю, что корреспондент в главном прав. Убила профессора все-таки его жена Марина. А остальное — это уже детали!

— Хороши детали! — воскликнул Маргонин. — В Наркомате здравоохранения ничего не известно о приглашении Панкратьева на Всемирный конгресс физиологов в Чикаго, я специально это выяснял. Не знает об этом и декан факультета. Пригласительного билета в Чикаго мы не нашли ни дома у Панкратьева, ни в его кабинете на кафедре. Не слышала о поездке и Марина. Возможно, профессору и сообщили о предстоящем конгрессе, но, чтобы получить приглашение, оказывается, необходимо послать тезисы доклада. По-видимому, Николай Петрович еще только собирался это сделать.

— А ведь учитель Крайнов утверждает, что профессор рассказывал ему о неких суммах в иностранной валюте, которые предлагали профессору за его открытие, — недобро ухмыльнулся Сазонов.

— Можно ли принимать на веру его слова? — передернул плечами Маргонин. — А вообще Панкратьев был человеком сложным. Я вспоминаю, что на экзаменах в гимназии мне попался вопрос из древнеримской мифологии о Янусе. Это такое двуликое божество. И Панкратьев напоминает мне этого Януса. С одной стороны — ученый-материалист, а с другой — верующий человек, который, к тому же, лжет Тарасову, что был атеистом еще до революции. Замечательный экспериментатор, и в то же время большой честолобец. Почтенный человек, и одновременно плохой семьянин, замучивший свою молодую жену беспричинной ревностью. Очень смелый человек — ведь не каждый во время русско-японской войны награждался двумя золотыми Георгиями, такие вещи даром не давали! И в то же время консерватор, как утверждают коллеги профессора.

— Да, что и говорить, сложная личность, и бушевали в нем бурные страсти, — вмешался в разговор Зинкин.

— Кстати, еще о печати, — перебил Зинкина Маргонин, доставая из папки слегка потрепанную брошюру с несколькими десятками чуть пожелтевших страниц. — Я внимательно прочел бюллетень Московского уголовного розыска за 1923 год. Речь в нем идет о некоем Татаринцеве, убитом ударом тупого предмета по голове. Его нашли в ванной комнате своей квартиры.

Ванная оказалась запертой изнутри на задвижку. Рядом натекла большая лужа крови. Снаружи закрыть задвижку было нельзя. Убийцей оказался его дружок, который ударил хозяина квартиры молотком по голове. Спасаясь от пьяного дружка, Татаринцев закрылся от него в ванной, где через некоторое время и умер.

— Значит, после смертельного удара по голове пострадавший мог не только пройти в ванную, но и делать сознательные движения — закрыть дверь на задвижку, — решительно сказал Зинкин, — а ведь Панкратьев лишь перекрестил жену после выстрела. Вероятно, Марина в этом случае говорит правду, тем более, что такая возможность подтверждается и экспертизой.

— Ну что же, может быть, только в этом случае... Мне кажется, что в материалах дела есть факты, свидетельствующие о том, что профессора убила именно жена. Завтра я буду допрашивать ее в последний раз и не сомневаюсь, что получу признание в убийстве, — уверенно заявил Сазонов.

С утра моросил мелкий дождик, который нередко бывает в Ташкенте ранней осенью. В стареньком темном плаще, шагая прямо по лужам, шел в этот день Сазонов в милицию, по дороге еще раз обдумывая, как он построит сегодня допрос Марины.

Что могло толкнуть ее на убийство? Наследство? Но ведь все, что имел профессор, и без этого принадлежало ей.

Да, случай сложный, и Сазонов понимал, что допрос должен стать решающим. Заключение эксперта гласило, что профессор умер не на кровати, а на полу. Уже одно это дает основание изобличить Марину во лжи. Далее, если бы профессор стрелялся сам, то револьвер лежал бы рядом с ним, и в дуло затекла бы кровь — судя по фотоснимку, ее скопилось там немало. Наконец, профессор отнюдь не был левшой. Так почему же он стрелялся левой рукой? Пусть Марина попытается объяснить все это.

Волновался Сазонов, пожалуй, не меньше, чем Марина, которая час спустя постучала в уже знакомую, обитую черной клеенкой дверь. Следователь сидел за тем же столом, покрытым зеленым потертым сукном. Пепельница перед ним была полна окурков, в комнате клубился табачный дым.

— Ну что ж, приступим, Марина Андреевна, — сказал следователь, внимательно взглянув на обвиняемую.

Он увидел, как она изменилась за эти два месяца — похудела, даже постарела, и глаза ее стали какими-то потухшими, в углу рта обозначились горькие складки.

— Итак, судя по вашим предыдущим показаниям, профессор застрелился на кровати и после этого вы перенесли его на пол?

— Нет, — ответила Марина, — в прошлый раз я нарисовала не совсем верную картину самоубийства.

Это было полной неожиданностью для следователя. Он-то полагал, что Марина подтвердит свои показания, и уже приготовил заключение экспертизы, чтобы уличить ее во лжи.

— В действительности дело обстояло так, — продолжала она, — Вечером, накануне гибели мужа, мы опять мучительно и долго выясняли отношения, и я заявила, что, наконец, твердо решила уйти от него. Спали мы на полу, так было прохладнее.

Ночью муж часто вставал, ходил по квартире, что-то обдумывал. Я спала плохо, мне было тревожно.

Рано утром пошла на базар неподалеку, чтобы купить фруктов к завтраку. Открывая дверь ключом, я услышала выстрел. Подбежала к постели и увидела, как у Николая Петровича с виска тоненькой струйкой стекает кровь. Я страшно закричала, а он чуть приподнялся, повернул голову в мою сторону и дважды перекрестил меня.

— Почему же вы раньше утверждали, что перетаскивали мужа вместе с постелью на пол? Ведь вы были предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний.

— Мне было стыдно — вдруг все узнают, что мы с профессором спали на полу.

— Гм... мне кажется, что эта причина не настолько серьезна, чтобы обманывать следствие. Ну, ладно. Скажите, где находился револьвер после выстрела и почему на нем нет следов крови? Прошу на этот вопрос ответить точно и правдиво.

— Как я припоминаю, револьвер лежал после выстрела на постели. Он был чуть испачкан кровью, но я его вытерла, а затем положила на стол в прихожей. Когда какой-то мужчина побежал вызывать скорую помощь, я снова взяла револьвер и даже выходила с оружием во двор.

— Если вы говорите правду, то ваш поступок меня крайне удивляет. Вы ведь понимаете, что после убийства или самоубийства все должно оставаться на месте, чтобы не затруднять следствие. Вы ведь и судебную медицину изучали?! Зачем же вы это сделали?

Она ответила не сразу. Сидела потупившись, затем подняла на Сазонова глаза, полные слез, тяжело вздохнула и проговорила с трудом:

— Я взяла револьвер потому... Потому, что сама тоже хотела покончить с собой.

— Вот как! Неужели вы так сильно любили своего мужа? Не каждая жена решилась бы на это!

— Я не просто любила Николая Петровича. Я боготворила его. За ум, за талант ученого. Он был необыкновенный человек во всем. Я бы покончила с собой тогда. Остановило одно: мама. Она тяжело больна. Это убило бы ее.

— Марина Андреевна, — сказал следователь как можно мягче, — я хотел бы вам верить, но, к сожалению, в ваших поступках много противоречивого, и это вызывает большие

сомнения. Судите сами, сначала вы говорили, что муж застрелился на кровати и вы перенесли его с постелью на пол. Теперь утверждаете, что он спал на полу. Чему верить? На первых допросах вы заявляли, что не трогали револьвер, а теперь говорите, что брали его в руки, даже обтерли и хотели выстрелить в себя. Где гарантия, что вы не придумали это объяснение, чтобы оправдать себя?

Профессор не был левшой, а между тем выстрел произведен в левый висок... Вы понимаете, слишком много говорит не в вашу пользу, и я должен вас предупредить: если вы не сумеете доказательно объяснить эти противоречия, улики оборачиваются против вас. В последний раз советую: расскажите всю правду, какой бы горькой она ни была. Вам станет легче, и суд учтет ваше чистосердечное признание... Ну, Марина Андреевна...

— Поверьте, я сказала правду, — она всхлипнула.

— Но нужны факты, факты, Марина Андреевна.

— Мне больше нечего добавить.

Сазонов написал обвинительное заключение и поехал с ним к прокурору для утверждения.

— Так все-таки призналась она в убийстве? — спросил прокурор, листая обвинительное заключение на двух десятках страниц.

— Нет, категорически отрицает свою вину, утверждает, что профессор застрелился сам.

— Ну, а вы... уверены, что это убийство?

— Безусловно, — заявил следователь, — обвиняемая все время говорит неправду, путается в собственных показаниях. Вначале она утверждала, будто муж застрелился на кровати, и она уже потом перенесла умирающего на пол...

— Зачем ей было обманывать?

— Объяснение смехотворное — боялась огласки, что они с профессором спали на полу, я же думаю, ей надо было как-то объяснить отсутствие револьвера на постели, куда он непременно должен был упасть из руки профессора.

Убийство подтверждается и необычным для самоубийц входным пулевым отверстием; оно на левом виске, но известно, что левшой профессор не был. Далее, если мы согласимся с тем, что муж якобы перекрестил Марину Андреевну уже умирая, то фотография, сделанная после смерти Панкратьева, вновь уличает обвиняемую во лжи. Поворачивая к ней голову, он должен был испачкать кровью затылок, спину, подушку.

— Каковы же, по-вашему, мотивы преступления?

— Суть, полагаю, в том, что обвиняемая разрывалась между матерью и мужем, жизнь ее превратилась в сплошное терзание. Она искала выход. Вот она и пришла к мысли об убийстве. Рано утром пятого августа Марина вернулась с базара и застала профессора еще спящим. Тогда она вытащила из-под подушки револьвер и выстрелом в левый висок убила мужа, чтобы решить, как ей казалось, все проблемы.

— Логично ли это? Прежде чем утвердить обвинение, я хочу подробнее ознакомиться с приведенными в деле документами.

Вечером, когда посетители уже разошлись, а за окном стемнело, прокурор зажег настольную лампу и начал внимательно читать объемистое «Дело по обвинению М. А. Панкратьевой в преднамеренном убийстве мужа». Вновь и вновь перелистывал он его. Сперва выводы, сделанные следователем, казались незыблемыми, но постепенно возникали сомнения. Ну, хотя бы то, что профессор был жив некоторое время после выстрела. Значит, лужа крови, хорошо видная на фотографии, образовалась постепенно.

И выходит, что если Марина, как она утверждает, подняла револьвер сразу же после выстрела, то кровь, естественно, и не могла затечь в дуло. Далее, экспертиза допускает, что профессор мог сделать сознательные движения тотчас после выстрела, то есть перекрестить жену. Вполне вероятно, что Панкратьев тогда приподнялся, поэтому и не испачкана кровью спина.

Да и мотивы преступления не были, по мнению прокурора, достаточно обоснованы. Чтобы решиться на убийство, нужна активная злая воля. Это хорошо знал прокурор, много лет имея дело с преступниками. Вряд ли это свойственно молодой интеллигентной женщине. В любом случае надо было расспросить о Марине подробней. Хотя бы ее товарищей, подруг по институту. Следствие, к сожалению, не сделало это.

Что и говорить, было немало фактов, которые свидетельствовали в пользу версии об убийстве. И все же некоторые обстоятельства снова и снова настораживали прокурора. Вот, к примеру, в обвинительном заключении как бы подчеркивается, что «религиозная мешаночка» убила своего мужа за то, что он сделал открытие, подрывающее самые основы религии.

Почему, кстати, Сазонов не поинтересовался, действительно ли Панкратьевым сделано важное открытие? Мало ли что напишет тот

или иной корреспондент. А ведь это легко могли подтвердить многочисленные коллеги профессора по медфаку.

Но Панкратьев, как видно из тех же материалов дела, сам был религиозным человеком. Не зря же написал он келейное письмо митрополиту Никандру. Впрочем, здесь, как и в некоторых иных случаях, заметно противоречие. Профессор однажды сказал своему сотруднику Тарасову, что был атеистом еще до революции. Если он мог сказать неправду в этом случае, то почему не мог сделать это и тогда, когда рассказывал одному из своих соседей о неких «крупных суммах», якобы предложенных ему кем-то за научное открытие?

Все эти соображения прокурор изложил письменно. И на обложке дела размашисто написал: «Начальнику следственного отдела гормилиции. На доследование».

Зинкин вызвал в свой кабинет Сазонова и Маргонина, сообщил им о возврате дела на доследование. Все трое понимали — это их недоработка, просчет в ведении следствия.

— Дело решено передать Маргонину, теперь он полностью за него отвечает, — тон начальника был приказным.

— Ясно. Когда передать? — спросил побледневший Сазонов.

— Немедленно. И ты, Георгий Викторович, не спрашиваешь, отчего так решили?

Сазонов молчал.

— Потому, что твоя версия зашла в тупик, а ты этого не видишь. А тебе, Леонид, советую выяснить, что было главным в жизни профессора, поглубже познакомиться с его исследованиями, детально разобраться в них, побеседовать откровенно с коллегами Николая Петровича и подругами его жены, выяснить, что за человек Марина.

Уполномоченным уголовного розыска часто приходилось самим следить за подозреваемым человеком, самим его допрашивать и вести всю следственную работу — работников в милиции не хватало. Маргонину уже не раз приходилось бывать в роли следователя, и он был уверен, что справится с порученным делом. Необходимо было собрать новые факты, тщательно все проанализировать и установить, наконец, убили ли Панкратьева — и кто это сделал — или он застрелился сам. А «белых пятен» в деле было довольно много.

Маргонин прежде всего пришел на кафедру физиологии. У входа в добротное кирпичное здание стоял, кого-то поджидая,

молодой человек в коротком черном халате. На поводке он держал небольшую рыжую собачку, которая заливалась жалобным лаем.

— Здравствуйте, доктор Тарасов!

— Откуда вы меня знаете?

— Именно таким я и представлял вас, когда знакомился с делом Панкратьева. Моя фамилия Маргонин.

Молодой человек чуть растерялся, но быстро овладел собой и, передав служителю собаку, пригласил Маргонина в кабинет, где еще недавно работал его шеф. Над письменным столом висело изречение: «Я не вижу оснований для пессимистических взглядов, согласно которым искусственное превращение мертвого вещества в живое никогда не удастся. — И. Лееб».

Заметив, что гость внимательно читает эти слова, Тарасов разъяснил:

— Любимое выражение профессора. Он много работал как раз для того, чтобы подтвердить это.

— Все же оно, вероятно, относится к области фантастики?

— Пока да, но ведь речь-то идет о будущем.

В углу стоял аппарат величиной со шкаф. К нему с двух сторон вели электрические провода. Через переднюю прозрачную стенку прибора Маргонин увидел какие-то пленки и множество резиновых трубок.

Заметив, чтоследователь заинтересовался прибором, Тарасов объяснил, что это последнее изобретение Николая Петровича — аппарат для принудительного отмывания крови, как называл его профессор. Но о деталях конструкции прибора он не рассказывал даже своим сотрудникам.

— Это мне известно из материалов дела, — перебил Маргонин, — но сам аппарат видеть не довелось. Я как-то представлял его гораздо меньше. Хотелось бы разобраться, насколько мне это доступно, в исследованиях, которые проводил Панкратьев и которые, как я слышал, продолжаете вы, — сказал Маргонин, усаживаясь на стул.

— Что ж, постараюсь посвятить вас. Итак, свои исследования профессор начал еще накануне первой мировой войны. В то время у некоторых ученых возникла мысль о возможности очищения крови от ядов и других вредных веществ, проникающих в организм. Панкратьев был захвачен идеей очищения крови, но началась мировая война, и исследования пришлось прекратить. Затем переезд в Ташкент, гражданская война, и вот лишь в 1924 году у профессора

появились условия для работы, и он развернул ее довольно широко. Опыт следовал за опытом.

— Чего же достигал профессор этими опытами?

— Дело в том, что введенное животному ядовитое вещество — морфий — концентрировалось, главным образом, в жидкой части крови или плазме. Поскольку плазму заменяли смесью солевого раствора с желатином, то вместе с ней удалялся и яд. А эритроциты, на которых оседала часть яда, промывались и, уже обезвреженные, вводились животному вновь.

— При каких же заболеваниях предполагал профессор использовать свой метод лечения?

— В случае отравления различными ядами, при тяжелых болезнях почек, когда они перестают очищать кровь от ядовитых веществ и в результате наступает отравление организма...

— Не замечали ли вы в последнее время каких-либо перемен в поведении профессора? — с интересом спросил Маргонин.

— Да, действительно, последнее время профессор ходил мрачным.

— И чем же вы это объясняете?

— Ну, во-первых, на одном из заседаний ученого совета медфака шеф выступил с отчетом о научной работе кафедры, и его исследования подверглись критике. Дело в том, что после статьи в центральной печати у профессора появились завистники.

— Вот как! — воскликнул Маргонин. — Так вы считаете, что критика объясняется завистью его коллег.

— Возможно, это и не совсем так. Просто шефу предложили ввести в опыты контрольную группу животных, — разъяснил Тарасов.

— А что это значит?

— Речь идет о дополнительных наблюдениях над животными, которым тоже вводили морфий, но промывание крови не делали. После того как мы приступили к этим опытам, оказалось, что в контрольной группе некоторые животные тоже выживали, несмотря на то, что их кровь не промывали. Тогда профессор распорядился увеличить дозу морфия. В этом случае погибали не только все контрольные животные, но, к сожалению, и некоторые собаки, которым мы делали промывание крови.

— И что же? — спросил Маргонин, не вполне поняв разъяснения молодого ученого.

— Это ставило под сомнения результаты исследований, как выразился профессор, «спутало все карты». Николай Петрович считал, что все дело здесь в несовершенстве аппаратуры: кровь во время центрифугования нагревалась и часть эритроцитов разрушалась. Конечно, если бы у нас была центрифуга с охлаждением, процесс отмывания крови ускорился бы, увеличилось бы количество выживших животных. Но то, о чем мечтал профессор — перенести результаты исследований на больных людей, пока отодвигалось все дальше и дальше. Все это действовало на Николая Петровича удручающе, он стал вспыльчивым и, пожалуй, нетерпимым. Мы, его сотрудники, боялись лишней раз обратиться к профессору даже по делу. А тут еще в связи с решением совета медфака создали комиссию якобы для помощи нашей кафедре. Один из членов этой комиссии, весьма недоброжелательный человек, доцент Соловьев, как-то в отсутствие шефа заглянул в лабораторию и принялся расспрашивать сотрудников о ходе экспериментов. Ему удалось выяснить, что за последние два месяца погибло девять собак. Когда Николай Петрович узнал об этом, он был очень возмущен и, естественно, расстроился, собирался даже пойти с жалобой к руководству университета, но потом оставил эту мысль.

— Да, — покачал головой следователь, — ситуация у Николая Петровича сложилась не совсем приятная.

— Профессор был человеком очень упорным, и мы были уверены, что все закончится успехом и Панкратьев докажет свою правоту, — с энтузиазмом сказал Тарасов. — Тем более, что науке известны факты, когда прекрасные идеи и даже открытия не получали сразу признания. Один из таких случаев произошел с нашим земляком, известным хирургом Петром Фокичем Боровским.

— И давно это было? — заинтересовался Маргонин.

— В конце прошлого века Боровский открыл возбудителя пендинской язвы, сделал доклад на заседании Петербургского хирургического общества, но не получил признания. Даже знаменитый Склифосовский не поддержал его. К голосу неизвестного врача, да еще из далекой провинции, никто не прислушался. Согласились, наоборот, с прославленным Склифосовским. А через пять лет после этого американец Райт осматривал больную девочку и снова открыл возбудителя болезни — ведь об открытии, сделанном Боровским, Райт ничего не

знал. Пока еще и о наших исследованиях мало кто знает. Труд Панкратьева, который он писал несколько лет, исчез.

— Рукопись мы нашли. Ее, оказывается, украл приемный сын профессора Анатолий, — ошеломил Тарасова Маргонин.

— Вот как! А где же она теперь?

— Приобщена к делу. Но после окончания следствия будет вам возвращена.

— Когда еще следствие закончится... — Тарасов вздохнул. — Профессор собирался опубликовать свой труд в самое ближайшее время, а то получится так же, как с открытием возбудителя пендинской язвы.

— А разве Панкратьевым и его сотрудниками открытие уже сделано? — серьезно спросил Маргонин.

— На этот вопрос нелегко ответить однозначно. Во всяком случае, предпосылки для этого уже есть.

— Мне трудно в этом разобраться, я не врач, а следователь.

— И поэтому вы, конечно, обратитесь к авторитетным ученым за консультацией и повторите ту же ошибку, которую сделали члены Петербургского хирургического общества.

— И, наконец, последний вопрос... Верно ли, что профессору кто-то предлагал большие деньги, да еще в иностранной валюте, за его рукопись?

— Я об этом ничего не слышал, по крайней мере, мне об этом шеф не говорил. Впрочем, не думаю, чтобы это было так. Панкратьев не делал из своих исследований тайны. Даже с трибуны научного съезда врачей Средней Азии он во всеуслышание рассказал о своих опытах. Правда, в то время наблюдения производились лишь на собаках, а впоследствии к ним прибавились опыты и на обезьянах.

— Труды съезда опубликованы?

— Да, — подтвердил Тарасов.

— Значит, любой желающий мог бы ознакомиться с ними?

— Конечно! А вообще, исчерпывающую информацию о возможности использования метода отмывания крови у больного мог бы дать профессор Канев. Он прекрасный клиницист и давно уже интересуется исследованиями Николая Петровича.

Канева на кафедре не оказалось, он уже ушел домой, и Маргонин направился в библиотеку медфака. Там ему выдали небольшой том материалов научного съезда врачей Средней Азии. В оглавлении значился и доклад профессора Панкратьева. Не все он

понял в этом докладе, однако его содержание соответствовало тому же, о чем рассказывал Тарасов.

Маргонин обратил внимание и на прения по докладу, опубликованные в том же сборнике. Как оказалось, с критическими замечаниями в адрес докладчика выступил Александр Николаевич Канев.

«Выводы автора будут иметь значение для клиники, — заявил Канев на съезде, — если для промывания организма будет употребляться кровь другого индивидуума».

Это замечание коренным образом меняло предложенный Панкратьевым метод. Ведь вместо промывания крови можно было после вывода «отравленной» крови перелить чужую — от здорового человека.

«Значит, не все ученые одобрили доклад, — подумал Маргонин, — ведь все, что делал Панкратьев в эксперименте, он предлагал в дальнейшем применять к человеку. Кто же прав — Канев или Панкратьев? Да, наука не так проста, и решать надо, только взвесив все «за» и «против». Версия о том, что Панкратьеву предлагали «большие деньги» за его открытие, не подтвердилась...»

Профессор Канев жил в небольшом особняке на Жуковской. Найдя нужный номер дома, Маргонин с минуту постоял у высоких двустворчатых дверей с медной табличкой «Профессор Александр Николаевич Канев» и решительно повернул кольцо звонка. Дверь открыли, его пригласили войти, видимо, приняв за больного.

В приемной находилось уже несколько человек — трое мужчин и одна женщина. Маргонин сел за круглый столик рядом с фикусом в большой деревянной кадке и стал просматривать журналы. Наконец очередь дошла и до него.

Маргонин оказался в просторном кабинете, все стены которого занимали полки с книгами. Комната обильно освещалась заходящим солнцем. За огромным письменным столом с красивыми резными тумбами сидел широкоплечий мужчина с круглым лицом и внимательными серыми глазами. Маргонин опустился в кресло и буквально утонул в нем.

— На что вы жалуетесь? — мягким голосом спросил Канев.

— Пока, к счастью, ни на что. Я из милиции,

— И что же вас привело ко мне? — удивленно произнес профессор.

— Видите ли, мы расследуем случай гибели заведующего кафедрой медфака Панкратьева. В связи с этим мне пришлось

познакомиться с трудами научного съезда врачей Средней Азии. В прениях по докладу Николая Петровича вы отметили ряд недостатков в его исследованиях. В чем был прав, а в чем неправ Панкратьев?

— Это разговор надолго. А у меня правило — больные прежде всего. Надеюсь, вы разрешите закончить прием?

— Конечно, я подожду.

Через полчаса ушел последний посетитель, и профессор, наконец, освободился. Он усадил Маргонина на диван, придвинул к нему небольшой столик и, попросив немного подождать, через минуту появился с подносом, на котором стояли красиво расписанный чайник, две пиалы, варенье и ваза с виноградом.

— Теперь я к вашим услугам, — произнес Канев, аккуратно и не спеша разливая чай. — Случай трагической гибели профессора Панкратьева потряс нас всех. Я слышал, будто в его смерти обвиняют жену?

— Это не совсем так, — сделав несколько глотков чая, сказал Маргонин, — мы просто хотим разобраться во всех обстоятельствах дела и рассматриваем разные версии.

Канев заговорил медленно, тщательно расставляя слова в четких фразах, как будто читал лекцию студентам:

— Николай Петрович был очень обидчивым человеком и после моего выступления на съезде долгое время со мной не разговаривал. А после отчета на ученом совете и замечаний коллег Панкратьев вообще замкнулся в себе.

И вот четвертого августа вечером, дату я помню точно, Николай Петрович пришел ко мне домой.

— Он и раньше бывал у вас? — спросил Маргонин.

— В том-то и дело, что нет, — отхлебнув из пиалы, продолжал Канев, — профессор Панкратьев был замкнутым и нелюдимым человеком, в гости мы друг к другу не ходили, поэтому его появление меня удивило.

«Думал зайти к вам ранее, да как-то неудобно было, а теперь узнаю, что вы в отпуск уезжаете... Я хотел бы обсудить результаты исследований с вами...» — говорил он быстро, возбужденно, комкая концы слов.

Затем Николай Петрович разложил на столе протоколы опытов. Мы долго обсуждали результаты его исследований. Введение группы контрольных наблюдений показало, что яд полностью отмыть из крови не удастся. Впрочем, это было мне ясно с самого

начала. Ведь яды концентрируются не только в плазме, но и в печени, селезенке, лимфатических железах... Вам это понятно? — с сомнением посмотрел профессор на Маргонина.

— В общих чертах.

— Ну, что будет неясно, переспрашивайте. Далее Николай Петрович рассказал мне буквально следующее: «На днях ко мне на работу пришел больной эритремией, и я решил проверить свою теорию в опыте на человеке. Собственно говоря, лишь первую часть опыта, а именно — отмывание крови».

— А что такое эритремия? — спросил Маргонин.

— Это болезнь, при которой увеличивается количество эритроцитов, то есть красных кровяных шариков. Если у здорового человека их число не превышает пяти миллионов, то у больных эритремией оно увеличивается до шести-семи миллионов. Лечат это заболевание кровопусканиями. Так вот, Николай Петрович сделал больному кровопускание и решил отмыть эритроциты, а заодно посмотреть под микроскопом, не разрушились ли они. Но опыт не удался, хотя Николай Петрович и отмывал кровь в центрифуге, недавно полученной из Франции.

Как я понял, это ужасно расстроило профессора Панкратьева — он возлагал на новую центрифугу много надежд.

— Почему же так получилось? — заинтересовался Маргонин.

— Кровь больного при центрифуговании свернулась. Известно, что у человека кровь свертывается быстрее, чем у животных. На результат опыта, по-видимому, подействовала и жара — вероятно, необходима специальная центрифуга с охлаждением...

После долгих споров мы пришли к выводу, что о применении предложенного Панкратьевым метода человеку пока не могло быть и речи.

— Пока? — переспросил Маргонин.

— Да, именно пока, — подтвердил Александр Николаевич, — со мной нехотя согласился и Панкратьев. Я опять-таки посоветовал в случае отравлений делать вначале кровопускание, а затем переливать пострадавшему кровь от донора. «Но где-то сейчас уже переливают кровь?» — спросил тогда Панкратьев. «В Москве, Ленинграде, Харькове. Думаю, что не за горами освоение этого метода в Ташкенте», — ответил я.

Я понимал, что наш разговор означал для Панкратьева крушение всех его надежд: ведь разработка какого-либо метода лечения в эксперименте должна обязательно закончиться

использованием его для человека, иначе незачем, как говорят, и огород городить. Когда я узнал о гибели Николая Петровича, то сразу подумал, что его смерть в какой-то мере была результатом и нашего с ним нелюбезного разговора. Но поступить иначе я не мог, да и не предполагал в то время, что это произведет на него столь сильное впечатление, — тяжело вздохнул Канев.

— Панкратьев в то время переживал тяжелую личную драму, — вмешался Маргонин, — ему все казалось, что молодая жена его не любит. Видимо, Николаю Петровичу не следовало жениться на женщине моложе его почти на 30 лет.

— Гм... — пригладил усы Канев, — моей жене столько же, а мне уже скоро пятьдесят, но живем мы, как говорят, душа в душу... А вообще многому студенты медфака могли бы поучиться у Панкратьева. Своими идеями он мог наделить десятки научных работников, и какими идеями! Тут и консервация сердца теплокровных животных, и сохранение тканей человека в течение долгого времени, и оживление нервов, и прижизненное промывание крови... Если бы Николай Петрович не погиб, то, возможно, через несколько лет мы были бы свидетелями больших открытий в области медицины...

В деканате Маргонин узнал, что студентка медфака Римма Медведева — ближайшая подруга Марины сейчас находится на занятиях по микробиологии. Кафедра микробиологии располагалась в одном из кирпичных домов, построенных на территории больницы после организации медицинского факультета.

Открыв тяжелую дверь с медной, начищенной до блеска ручкой, Маргонин оказался в коридоре. Справа и слева несколько дверей вели в аудитории. На одной из них кнопками был приколот лист ватмана с надписью «Лаборатория». Маргонин вошел. Почти всю комнату занимал длинный стол, на котором стояло несколько микроскопов. За одним из них сидел молодой человек и что-то рассматривал, время от времени подкручивая микрометрический винт. Увидев вошедшего, он поднялся с места.

— Я хотел бы видеть студентку Медведеву, — сказал Маргонин, — в деканате мне сообщили, что она занимается здесь.

— Хорошо, я ее вызову, вы пока присядьте, — и молодой человек указал на стоящий у окна стул.

Через несколько минут по коридору застучали каблучки, и в комнату вошла девушка со светлыми волосами, заплетенными в две

длинные косы, с ямочками на щеках и большими голубыми глазами. Чем-то она напоминала Маргониному Аню, от которой он недавно получил письмо с обещанием приехать после окончания учебного года в школе.

— Мне хотелось бы побеседовать с вами о Марине Панкратьевой, — сказал ей Маргонин.

В это время в лабораторию с гомоном и шумом ввалилась стайка студентов.

— У нас сейчас занятия по микробиологии. Профессор распорядился, чтобы мы работали здесь, так как все аудитории заняты, — сказал один из них.

Маргонин с Медведевой вышли.

— Я из уголовного розыска, — он показал свое удостоверение. — Здесь, как я вижу, нам побеседовать не удастся, может быть, зайдём в кафе и выпьем по чашечке кофе, а заодно и поговорим.

— Не знаю, удобно ли это будет, — неуверенно ответила Римма.

— Мне кажется, никакого криминала здесь нет. Я бы мог пригласить вас в милицию как свидетельницу, но, полагаю, так будет лучше.

Несколько столиков небольшого кафе, расположенного недалеко от больницы Полторацкого, стояли на нависшей над Саларом деревянной террасе. Здесь было прохладнее, внизу несла свои быстрые желтые воды небольшая речка. Белый с голубым навес защищал от солнечных лучей. Официант услужливо осведомился — чай, кофе, пирожные?

— Кофе с тортом, пожалуйста.

Когда официант отошел, Маргонин спросил:

— Вы давно знаете Марину? Расскажите про нее.

— С Мариной Турбиной — это ее девичья фамилия, и так я ее привыкла называть — мы знакомы года три. Последний год Марина часто бывала у меня, — мы дружили, она хорошо относилась ко мне. В свою очередь, и я питала к ней дружеские чувства. Нравилось ее трудолюбие, добросовестность, с которой она училась, бережное отношение к больной матери. Меня привлекало в Турбиной и то, что она, единственная дочь в семье, скромна, избалованна. Марине приходилось нелегко: надо было и на базар сходить, и обед приготовить, а помимо этого еще ухаживать за больной матерью.

— Как относились к Марине ее сокурсники?

— Надо сказать, что кое-кто из студентов посмеивался над Мариной из-за ее манеры одеваться. На насмешки она не реагировала. Ей всегда было безразлично, что у молодых людей она успехом не пользовалась, — продолжала Римма, расправляясь с большим куском бисквитного торта. — Когда бы я ни обратилась к ней с какой-нибудь просьбой, она всегда была отзывчива, давала свои учебники, а иногда и деньги. Все, кто сталкивался с ней, убеждались — она хороший товарищ и честный человек.

— А как Марина училась?

— Училась хорошо, много читала, свободно беседовала на научные темы даже с профессорами.

— Давно ли Марина познакомилась со своим будущим мужем?

— Это было, по-моему, на третьем курсе, когда мы сдавали Панкратьеву фармакологию. Тогда же он, как видно, сделал Марине предложение. Она смутилась, долго колебалась, но профессор был настойчив, рассказал ей о неудачной жизни с первой женой.

Тогда она пришла ко мне за советом: как быть? Я ее отговаривала всячески.

— Еще кофе? — спросил подошедший официант.

Маргонин кивнул.

— Панкратьев был очень внимателен к матери Марины, — продолжала Медведева, — не забывал приносить будущей теще то цветы, то конфеты, то интересную книгу.

— И жили они счастливо?

— Когда брак состоялся, Марина ушла жить к мужу, и тут он резко изменился. Запретил ей приходить ко мне, особенно когда узнал, что у меня молодые братья. Мало того, он выражал недовольство, если она даже к своим родителям уходила. Профессор и сам перестал бывать у Турбиных.

Римма говорила долго и подробно, а в это время за соседними столиками сменялись посетители: они заказывали чай или кофе, выпивали и уходили.

— За короткое время своей семейной жизни Марина всего раз-другой забежала ко мне, возвращаясь с Воскресенского базара с корзинами. Она жаловалась на тяжелый характер мужа, рассказывала о его капризах, бесконечных нотациях.

В свою очередь, мать попрекала ее мужем: даже к родителям не пускает. Марине приходилось лавировать между мужем и матерью,

она не раз говорила мне: «Лучше бы обе стороны меня меньше любили. От такой любви не жизнь, а вечные терзания».

— Как вы думаете, могла ли Марина застрелить мужа? — спросил Маргонин.

— Я уверена — это совершенно исключается.

У Марины была еще одна близкая подруга, студентка пятого курса медфака Борисова. После занятий она подрабатывала в городской аптеке. Двухэтажное здание аптеки, куда на следующий день направился Маргонин, находилось неподалеку от базара. Шум торговых рядов сюда почти не долетал.

Поднявшись по ступенькам, Маргонин открыл дверь и оказался в большом зале с высокими окнами. За кассой в углу сидела женщина в ярком голубом платье, подстриженная под мальчика.

Маргонин представился.

— Хотел бы поговорить о Марине Панкратьевой, она ведь ваша подруга, не правда ли?

— Да, конечно, — мягким грудным голосом ответила Борисова. — Валя, тут ко мне товарищ пришел, подмени меня, пожалуйста! — крикнула она кому-то и захлопнула ящик кассового аппарата.

В небольшой комнате, заставленной стеклянными колбами, штанглазами и бутылками с притертыми пробками, она сказала Маргониному:

— Здесь мы можем говорить спокойно, никто нас не потревожит.

— Тогда расскажите мне все, что знаете о Марине.

— Я познакомилась с ней четыре года назад, когда мы вместе отработывали практические занятия по химии. Затем Марина стала часто бывать у меня, как-то принесла учебник, который я нигде не могла достать, мы вместе готовились к занятиям.

Ранней весной этого года Марина мне сказала: «Знаю, ты будешь меня отговаривать, критиковать мой поступок, но я не отступлю и решения своего ни за что не переменю — я дала слово профессору Панкратьеву выйти за него замуж».

После замужества она как-то рассказала, что у нее государственные экзамены на носу, но ей совершенно не до подготовки: с одной стороны — семья, с другой — больная мать, и каждый требует от нее внимания и заботы.

В день самоубийства профессора я встретила ее на улице. Она была очень бледна, с опухшими от слез глазами. Я окликнула

Марину и спросила: «Что с тобой?» — «Коля застрелился», — ответила она. Вид у нее был такой несчастный, что я сочла недопустимым расспрашивать о подробностях.

Итак, кто же такая Марина Турбина-Панкратьева? — размышлял Маргонин, вновь и вновь перечитывая папку с протоколами допросов и показаниями свидетелей. Преступница, убившая своего мужа, или, как единодушно свидетельствуют подруги, — застенчивая, скромная и порядочная молодая женщина, разочаровавшаяся в браке с человеком старше ее и к тому же с некоторыми странностями, и попавшая в беду, из которой трудно выбраться?

Где же отыскать факты, которые все объяснят? Уже и негде их искать. Нужно идти по второму кругу...

Из протокола повторного допроса доктора медицины Сибирского.

«— Хорошо ли вы были знакомы с Панкратьевым?

— Нет, хотя мне приходилось встречаться с ним в связи с некоторыми вопросами научных исследований. Несколько раз я приходил на кафедру физиологии и беседовал с ним на медицинские темы. Я считал профессора весьма оригинальным, чтобы не сказать — странным, в своих действиях и поступках человеком. Когда я впервые пришел к Панкратьеву, он показал мне забальзамированный труп сына. Держать труп в кабинете в течение нескольких лет... Это, знаете... уж слишком!

— Как вы думаете имеет ли какое-то отношение к смерти профессора епископ Фока?

— Связи между смертью Панкратьева и епископом Фокой я усмотреть никак не могу. Доливо-Добровольский сочетает в себе религиозность и уважение к науке. Он сам является незаурядным ученым. Уверен, что научные достижения коллеги должны были только радовать Добровольского, так как он всегда активно участвовал в работе научного общества. К примеру, Добровольский направил как-то в клинику одну больную и, желая, чтобы этот случай принес научную пользу, сделал на направлении приписку: «Представляет интерес для науки».

— Известно ли вам о религиозности Панкратьева?

— Слышал, что он будто бы венчался в церкви и носил крест. Общественником он никогда не был.

— Как вы рассматриваете научную деятельность профессора.

— Труды его считаю ценными, хотя с методикой в деталях не знаком».

* * *

Через несколько дней следователю передали из прокуратуры письмо. На конверте стоял штамп Чимкентского почтового отделения. Письмо было отправлено на имя прокурора города Ташкента.

«4 августа с. г. вместе со своим сослуживцем Александром Михайловичем Манько я шел на работу по Лахтинской улице. Мимо проехал автомобиль, остановившийся в нескольких шагах от нас. Из него вышел уже немолодой человек лет пятидесяти. Правая рука у него была на перевязи. Он был чем-то очень взволнован. Оставшиеся в автомобиле двое мужчин, то и дело оглядываясь, следили за ним. Перейдя на тротуар, мужчина левой рукой вынул из кармана какую-то бумажку, разорвал и бросил в арык. Я подобрал клочки, разгладил их и попытался сложить по линии разрыва. Но это не удалось. Находившийся рядом А. М. Манько взял у меня разорванную записку и тоже безуспешно пытался ее собрать.

Я оставил бумажку у Александра Михайловича, так как через несколько часов должен был уехать в Чимкент по делам. Поскольку записка, разорванная при таких таинственных обстоятельствах, меня заинтересовала, я попросил Александра Михайловича переслать ее в Чимкент. Но он этого не сделал, а я забыл о происшествии. Сегодня в Чимкент приехал А. М. Манько и сообщил мне, что записку он все-таки сложил и прочел, но затем, к сожалению, куда-то задевал.

Однако он хорошо запомнил ее содержание, так как впоследствии оказалось, что она имела прямое отношение к смерти профессора Панкратьева.

«Исследования зашли в тупик. Всюду неудачи. Прекрасные идеи, но не могу осуществить ни одной. Петя умер, Анатолий — неудачник, Марина хочет уйти. Жить, наверное, не стоит. Профессор Панкратьев».

Судя по подозрительному поведению разорвавшего записку мужчины, а также двух пассажиров автомобиля, смерть профессора была связана с этими тремя лицами, так как последовала она на другой день, что видно из объявления в газете. К сожалению, я сам

узнал о смерти профессора Панкратьева только через два месяца, так как находился все это время в Чимкенте.

Главный бухгалтер Коваленко».

Вызванный на допрос Александр Михайлович Манько, коренастый тридцатипятилетний крепыш, подтвердил все то, о чем писал Коваленко, и добавил:

— После того как Коваленко передал мне порванную записку, я попытался ее сложить, но оказалось, что сделать это не так легко. В обеденный перерыв зашел к экспедитору Колмановскому, и мы вместе все-таки сложили записку, хотя нескольких клочков бумаги не хватало.

Маргонин показал Манько несколько писем профессора, и Манько сразу же узнал его неровный почерк с прыгающими заглавными буквами.

— Это почерк профессора, — пояснил Маргонин.

Когда Маргонин зашел в кабинет начальника уголовного розыска, чтобы доложить ему о результатах расследования, Зинкин читал объемистую папку с делом о смерти Панкратьева.

— Работали, работали, — сказал он, откинув голову назад и устремив на Маргонина пристальный взгляд своих черных глаз, — а очень важной детали и не заметили. Ведь судебный медик Будрайтис, который пятого августа осматривал труп Панкратьева, обнаружил на большом пальце правой руки серый налет от пороховых газов. А это доказывает, что профессор стрелялся правой рукой в левый висок.

Я взял из нашей библиотеки несколько учебников по криминалистике, и там приводятся такие случаи. Когда самоубийца стреляется в левый висок, он нажимает на спуск большим пальцем правой руки. Так удобнее. Если он, конечно, не левша.

— Я это обстоятельство проверил, — Маргонин показал растопыренные пальцы, — несколько раз стрелял из профессорского револьвера, но, как видите, никакого налета не обнаружил. Наш баллист дал заключение, что револьвер находился в починке и мастер исправил этот дефект: барабан плотно примыкает к стволу.

Зинкин с интересом посмотрел на своего сотрудника.

— А ведь мы правильно поступили, что передали дело тебе... Откуда же налет на большом пальце правой руки? Может быть, запачкался где-нибудь в лаборатории?

— Я постараюсь это выяснить, Михаил Максимович.

— Да, профессор твердый орешек. Попробуй, пойми, непризнанный гений или человек с крайне неустойчивой нервной системой.

— Пожалуй, и то, и другое.

— Я вчера передал материалы на Стецюка и Анатолия Панкратьева в суд, — в раздумье сказал Зинкин, — и как случилось, что сын профессора стал преступником? Чего ему не хватало?

— В том, что Анатолий стал преступником, по моему мнению, виноват его приемный отец.

— Это ты серьезно? — Зинкин с неподдельным интересом слушал Маргонина.

— Конечно. Своих детей у Панкратьева не было, и он берет на воспитание парнишку, внушает ему, что тот должен стать ученым. И мальчонка смотрит на приемного отца как на бога, мечтает подражать ему. А тут рождается собственный ребенок. И вся любовь Николая Петровича, все внимание — своему ненаглядному Петеньке. Вот Анатолий и озлобился. Да не только на профессора, на весь белый свет. — Маргонин глубоко вздохнул, зачем-то посмотрел в окно на деревья с облетевшими листьями и на раскисшую от дождя плохо мощенную улицу. — Это как на суглинке, Михаил Максимович, или на другой бедной почве ничего путного не вырастет, кроме осота и чертополоха. Вот Анатолий и вымахал в проходимца.

— Наконец, в деле нет и протокола допроса врача скорой помощи, приехавшего тогда по вызову, — вздохнув, произнес Зинкин. — Вообще-то мне ясно, что профессор покончил с собой в состоянии аффекта. Основную роль в его смерти сыграли, как видно из материалов дела, последние неудачи в научных исследованиях и невозможность осуществить свои научные идеи. Сказались и обострившиеся отношения с женой.

...Станция скорой помощи занимала несколько небольших комнат в городской больнице. Когда Маргонин пришел туда, девушка, сидевшая у телефона, принимала вызов.

— Объясните, как к вам доехать... хорошо... машина будет минут через пятнадцать. Что вам, товарищ? Сюда посторонним вход воспрещен, разве вы читать не умеете? — сердито спросила она следователя.

— Я хотел бы узнать, кто из врачей выезжал пятого августа на Лахтинскую? — сказал Маргонин, предъявляя свое удостоверение.

— Минуточку, — девушка подошла к шкафу и, Достав из него толстую книгу, начала аккуратно ее перелистывать. — Доктор Пастухов. Кстати, он и сегодня работает.

— Никандр Сергеевич Пастухов, — представился высокий полный мужчина лет сорока со следами бессонной ночи на лице. — Мой коллега, который должен меня сменить, заболел, и мне приходится дежурить до вечера, — пожаловался он. — Случай с профессором Панкратьевым мне хорошо запомнился. В этот день около восьми часов утра на станцию скорой помощи поступил вызов: застрелился доктор Панкратьев. Я как дежурный врач тотчас же поехал по указанному адресу. Рядом с домом Панкратьева работали мастеровые. Один из рабочих указал на сидевшую на бревнах плачущую женщину: «Это жена профессора».

Пройдя вместе с ней в дом, я увидел разостланную на полу постель. На ней в луже крови лежал профессор. Я наклонился над ним. Пульс не прощупывался, сердце не билось, он был мертв.

«Это самоубийство или несчастный случай?» — спросил я. «Еще вчера вечером муж сказал, что утром его не будет в живых, — сквозь слезы произнесла женщина, — но я думала, что это несерьезно. И вот теперь он умер». И она снова заплакала.

Марина Андреевна показала мне и револьвер. Оружие лежало на столике в прихожей. «Это я подняла с пола револьвер после выстрела и положила его на стол», — тихо сказала она. «Знаете ли вы, что об этом случае следует заявить в милицию?» — спросил я, она показалась мне такой беззащитной и несчастной.

«Знаю», — сквозь слезы ответила она.

Как иногда в жизни бывает, накануне этого трагического случая мне пришлось встретиться с Панкратьевым. Он куда-то спешил, но поскользнулся, упал и вывихнул руку. Прохожие привели его на станцию скорой помощи, находившуюся неподалеку. У профессора оказался вывих правого плечевого сустава. Мы сделали ему обезболивающий укол и вправили вывих. Профессор полежал у нас полчаса и почувствовал себя лучше. После этого мы отправили его домой на машине скорой помощи в сопровождении фельдшера. Помню, он не хотел одевать перевязь на больную руку — все боялся, что жена будет волноваться.

Рассказ врача скорой помощи полностью подтвердил показания Марины Панкратьевой. Стало ясно, почему профессор стрелялся левой рукой. Маргонин установил также причину порохового налета на пальце правой руки Николая Петровича. Оказалось, что

профессор был страстным охотником, а его винтовка «Винчестер» оказалась не совсем исправной и пропускала пороховые газы при выстреле.

После этого Маргонин написал постановление о прекращении уголовного дела по обвинению Панкратьевой М. А. в убийстве своего мужа и еще раз пригласил Марину Андреевну, но уже не для допроса.

— Я беседую с вами с последний раз, — сказал Маргонин, — вот прочтите и распишитесь, что ознакомились с постановлением: следствие не находит оснований для обвинения вас в убийстве.

— Спасибо, — еле слышно произнесла Марина. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем она поняла до конца, какой огромный смысл должна была вложить в эти привычные слова благодарности. Тогда она была еще так потрясена всем происшедшим, что произнесла их скорее по привычке воспитанного человека. Но во все последующие годы своей жизни с неизменной признательностью вспоминала Марина Андреевна людей, которые не щадили своих сил и времени ради установления истины, а значит и для того, чтобы было сохранено ее доброе имя, чтобы не предстала она перед судом как обвиняемая в самом тяжелом из преступлений — в убийстве человека.

notes

1

Так официально назывались в то время сотрудники уголовного розыска.

2

Идентификация отпечатков пальцев в то время в Ташкенте не производилась.

3

Понятие «клиническая смерть» было в то время еще неизвестно.

Table of Contents

Выстрел на Лахтинской	2
ОТ АВТОРА	3
1	4
2	20
3	35
4	47
5	58
6	68
7	84
1	107
2	108
3	109